

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

EL SIGLO XX Y LA PAZ   DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN

В НОМЕРЕ:

ТРАКТАТ О ТОЛПЕ

Митинг на близком расстоянии

«ПЕНА НА ГУБАХ»

Интеллигент против пророка

КОНТРУДАР!

Сопrotивление насилию в Советской
Армии

ISSN 0320 8001

11/90

В НОМЕРЕ:

<u>Почта</u>	2
«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»	
<u>Круглый стол</u>	8
СТРАСТИ ВОКРУГ ВЛАСТИ	
<u>Страна в движении</u>	15
КТО ЭТИ ДВОЕ? ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВОЕВЛАСТИЕ В МОСКВЕ	
<u>Документ</u>	19
СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ ДОГОВОР	
<u>Наш подход</u>	22
ВОЙНЫ ОДНОПОЛЧАН <i>(фрагменты исследования)</i>	
<u>Актуальная тема</u>	29
Ю. АФАНАСЬЕВ. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ПЕРЕ- МЕНЫ В ЕВРОПЕ	
<u>Свобода слова</u>	33
«НАЦИОНАЛЬНАЯ ОЗАБОЧЕННОСТЬ». ГРИГО- РИЙ ПОМЕРАНЦ В СПОРЕ С АЛЕКСАНДРОМ СОЛЖЕНИЦЫНЫМ	
<u>Взгляд со стороны</u>	42
Х. ВАДА. ДВА ПЛЮС ЧЕТЫРЕ	
<u>Эссе</u>	46
С. МИТРОХИН. ТРАКТАТ О ТОЛПЕ	

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

«Уважаемая редакция...»

...Ваш выход!

Общество в надрыве. Хмурые маски недовольства и заботы заполняют города и села. Исчезают человеческие лица. А те немногие, что остаются, искажает гримаса ярости.

Империя уже рухнула, теперь рушится страна. Не надо заниматься самообманом: Советский Союз создавался и существовал как русское российское государство. И агонизируя, оно своими конвульсиями оживляет в памяти призраки начала XX века. Захлестнет ли распад и саму Россию? Ответа осталось ждать недолго.

Общество устало от своих ошибок и преступлений. Исход из прошлого уже длится пять лет. Для истории — ничтожный срок. Но пяти лет достаточно для старения личности. Номо soveticus обрел новое обличие. Оно плохо поддается описанию, но нам самим жутко смотреть друг другу в лицо.

Человеческая жизнь лишилась своей ценности. Мы привыкли к войне внутри собственной страны и молим только об одном — лишь бы не убивали наших: русских, литовцев или татар. Происходит очередная страшная подмена ценностей: нас тревожит не смерть человека, а гибель представителя нации. На смену диктату партийной принадлежности приходит диктат национального происхождения, а человека по-прежнему не существует. Его лишь стало удобнее убивать.

Страна на изломе. Ярость перерастает в решимость действия. Вечные и страшные русские вопросы «кто виноват?» и «что делать?» вновь звучат в России. Кто виноват, что слово

«жить» так и не обрело смысла в моей стране и его сменили глаголы «прожить», «пережить», «выжить»?

Перестройка переросла своих инициаторов. Их большевистская логика привычно оперирует лозунгом: «Вспомните мрачное прошлое до 1985 года». Как легко, оказывается, цифра 17 меняется на 85! Но страна уже ушла дальше и живет собственной жизнью. Общество превзошло большевистское мышление, но еще не обрело нового и адекватного видения самого себя.

Я не хочу и не буду давать перечень ошибок перестройки. Обвинения лишены смысла, ибо нам необходимо преодоление. Но самое большое искусство для политика — это искусство прийти и уйти вовремя. Правда, для последнего шага требуется превозмочь собственное властолюбие. Пришел-то Горбачев вовремя...

Перестройка исчерпала себя. Демократы и консерваторы, радикалы и умеренные еще ведут непримиримую борьбу за темпы и характер уже начатых реформ — и в этом их главная беда. Дети перестройки, они не мыслят себя вне ее и не видят, что их схватки все более напоминают бой с тенью.

Россия же нуждается в возрождении. Россия ждет знания, действия и поступков. Россия ждет новой волны, несущей с собой откровенный и жесткий лозунг: «Профессионализм, прагматизм и цинизм». Новое поколение — поколение 30—40-летних, уже познало эти истины рассудка, а не сердца. Россия ждет нас.

Мы вышли из застоя, и он наложил на нас странный отпечаток. Застой дал нам понять, что только знание спасает от деградации, и для тех, кто не сломался, он превратил работу сперва в запой, а потом — в образ жизни. Холодные прагматики, мы всегда и везде искали свой шкурный интерес, но никогда не опускались до преступлений. Мы не верили в слова о коммунизме, но, если дело требовало, мы умели их применять.

Рассудочные знания и цинизм позволяли нам видеть страну, как она есть. Но в это знание жизни мы и сами мучительно не хотели верить. По ночам мы убеждали сами себя, что воспринимаем мир в излишне черных красках, что оскудение души не позволяет нам видеть светлое и ясное.

Раздвоение сознания исчезло лишь с перестройкой. Действительность же оказалась еще страшнее, и мы утвердились в силе холодного разума. Наши мозги нашли применение, свобода же раскрепостила души. Увлеченные открывшейся перспективой, мы с

удвоенной энергией кинулись в работу, в бизнес и преуспеваем в этом. Наши первые разведчики заняли достойное место в политике. Но успех авангарда — еще не победа в сражении.

Катастрофы последнего полугодия задевают и нас. Рассудок подсказывает только два выхода: надо уезжать либо что-то делать со страной. Разложение не может продолжаться бесконечно, и распад общества может привести к власти улицы.

Для тех, кто остался, время лозунгов и слов прошло. Сейчас Россию может спасти только сила и действие. Наша сила и наши знания нужны России. И на вопрос: кто, если не мы? — есть только один ответ. Никто.

Михаил КОЖОКИН,
кандидат исторических наук,
г. Москва.

Сыграем?

Прочитал в «Веке» (6/90) статью Павла Чеботарева и Бориса Кочубя «Маленькие хитрости демократии». Хочу предложить вам еще один парадокс, подобный описанному там.

Вот его условие: в некотором государстве правил диктатор, которому захотелось стать демократически избранным президентом. Известно, что диктатора поддерживает два процента населения, а именно — армия. Можно ли организовать абсолютно демократические выборы так, чтобы законно победил диктатор? Да, можно.

Здесь я приведу один из алгоритмов решения. Надо провести шестиступенчатые выборы. Народ избирает Совет, который из своего состава избирает Совет второго уровня и т. д., и только Совет пятого уровня избирает президента.

Пусть в этой стране 256 (примерно 245 млн.) избирателей, 2% (136 или примерно 4,9 млн.) из которых военные. Вначале все избиратели должны быть разбиты на избирательные округа, по 25 человек в каждом, для выборов одного человека в Совет следующего уровня. Военные должны быть распределены по округам так, чтобы в большей части округов их не было совсем, зато в меньшей части их должно быть ровно по 13 человек в округе. Очевидно, что в этой меньшей части округов победят военные, так как их более 50 процентов (13 из 25). На второй ступени выборов члены Совета первого уровня опять разбиваются по 25 человек и процедура повторяется.

Не стану приводить подробные цифры, желающие могут проверить их

с помощью микрокалькулятора. Скажу только, что в Совете четвертого уровня останется 625 избирателей, 169 (27 процентов из которых — военные, а в Совете пятого уровня останется 25 человек, 13 (52 процента) из которых поддерживают диктатора. Победа обеспечена!

В заключение отмечу, что цифра 245 млн. неплохо вписывается в наши реальные условия, цифра 4,9 млн. то-

же. Армия — организация мобильная, так что с распределением по округам особых проблем не будет. Советы пяти уровней это, например: райсовет, горсовет, облсовет, Верховный Совет республики, Верховный Совет страны.

Ну что — сыграем?

Александр ВАЦИЛЛО,
студент,
г. Москва.

Совесть, бессилие, дух

Читаю «Век XX и мир» (7/90), нравственное напряжение, вызванное чтением, на пределе...

Все во мне горит: сознание, совесть, бессилие, дух.

Почти полвека назад я написала Генеральному секретарю ООН господину Трюгве Ли:

«Уважаемый господин Генеральный секретарь ООН, находясь в сталинских концлагерях, мы подвергаемся физическим и моральным пыткам, голоду, глумлениям над нашим человеческим достоинством. Не слушайте в ООН речей советских их представителей. Их речи позорны и лживы!

Помогите нам!
Тюрьма, бухта Ванино,
Приморский край
Мартынова Матрена Ивановна.

Письмо мое Генеральному секретарю ООН не было отправлено, а меня по приказу генерала Деревянко (начальника Свитлага) этапировали на Колыму в канатном ящике грузового парохода «Ногин». Так и плыла я по Тихому океану в канатном ящике до бухты Нагаева. Мой антисталинский фанатизм спасал меня, укреплял и животворил. Пять раз меня судили по 58 статье. Последний раз, 21 декабря 1951 года, военный трибунал Краснознаменного Дальневосточно-

го округа приговорил меня к 25 годам тюремного закрытого заключения.

Бесконечные этапы, пересылки, тюрьмы, сизо, шизо, буры, зуры, карцеры, Берлаг, Амурзолотолаг, Свитлаг, Карлаг, орловский политизолятор — все позади.

1990 год. Я читаю «Век XX и мир», слушаю «Радио Свободы», читаю журнал «Америка», газеты «Свободное слово», «Демократическая Россия» и многое, многое другое. Гласность?!

А на душе беспокойно...

70-летний кошмар сверлит сознание, душу: все от имени народа, все для народа. А народ?! Подавленно-рабский, бессудный...

Пишу, а перед глазами бесконечные концлагеря, а в них затравленный, озверевший все тот же народ. Какое-то проклятье тяготеет над нами...

«Век XX и мир!» Ты веришь, что наш народ может быть народом, как все народы на нашей планете?

Поэтому статью «Мужайтесь!» Ш. Теннисон (7/90) вырвала из журнала и сожгла: хватит нам похвал Р. Роллана, Л. Фейхтвангера и других западных гуманистов.

Матрена МАРТЫНОВА,
г. Москва.

Человек с пометкой

22 июля 1990 г. в «Правде» была напечатана статья С. Рогова «Существует ли у нас еврейский вопрос?» Статья вполне, как теперь говорят, взвешенная: начинается с К. Маркса, кончается перестройкой. Нельзя не согласиться и с выводом автора статьи, что «давно уже назрела необходимость набраться мужества и разобраться, в чем заключается проблема, каким должны быть подходы к ее решению, как нам снять напряженность, возникшую вокруг еврейского вопроса».

Действительно, честный разговор нужен. Но о ком, собственно, должна идти речь? Кто такие те самые евреи, о которых говорится в статье?

Для не очень-то осведомленных читателей дело рисуется так, что, мол, существует некая еврейская нация со всеми особенностями, которыми отличаются другие нации: говорит на своем языке, имеет особые культурные традиции. По-особому работает, по-особому живет. И что эту нацию оскорбляют (как пишет С. Рогов, «не удовлетворяют естественных национальных потребностей советских евреев»). И что, мол из-за этого-то и поднялась многотысячная волна еврейской эмиграции.

На самом деле, никаких особых «еврейских потребностей» у тех, о ком идет речь в статье, нет. И люди, у которых в паспорте стоит отметка «еврей», на самом деле давным-давно ни в какой особой нации, кроме русской, не состоят.

Есть расы и есть нации. В словаре иностранных слов сказано: «Раса — это группа людей, характеризующаяся совокупностью второстепенных внешних физических особенностей: цветом кожи, глаз, волос, очертанием головы, ростом и т. п.». Нация же — «историческая общность людей, складывающаяся на основе общности их языка, территории, экономической жизни, культуры и некоторых особенностей характера». Что же имеется в СССР: еврейская нация

(напомню, особый язык, территория, экономика, культура) или есть 1 млн. 449 тыс. людей, отличающихся от русского населения страны лишь расовыми признаками — такими как форма носа, разрез глаз, темперамент? Думаю, что верно второе.

Едва ли можно сказать сегодня, что те, у кого в графе пять их паспорта написано «еврей», говорят между собой не на русском, а на еврейском языке, что они имеют особую, отличную от русской, культуру, что они занимаются какой-то отличной от русских хозяйственной деятельностью, живут другой жизнью. Нет, все лица, именуемые по паспорту евреями, работают в тех же учреждениях, где и русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне. Работают там, где они проживают, от Прибалтики до Якутии. Ни языком, ни территорией, ни интересами, ни потребностями от русского населения страны они не отличаются. И во всех странах мира их обозначают не по крови, а по гражданству.

Почему же в советских паспортах этих лиц стоит запись «еврей»? Для чего она нужна? Ведь ясно, что эта запись отражает лишь ...расовые черты и означает, что у некоего гражданина по фамилии Абрамович нос, волосы и глаза таковы, что его следует именовать «евреем»?

И уезжают люди отнюдь не из-за того, что в СССР не удовлетворяются некие особые еврейские культурные потребности. Что не созданы какие-то «еврейские культурные институты».

Идет захихивание обрусевших «евреев по паспорту» в «евреев на деле». Действительно, откуда взялся тот взрыв эмиграции, о котором пишет «Правда»? Откуда этот всплеск интереса к своей утраченной национальности, к своему историческому прошлому? Ведь все это родилось в последнее десятилетие. Почему? Интерес лиц с паспортной записью «еврей» к Израилу возник не из любо-

пытства, не из исторического интереса. Возник интерес к месту, куда можно спрятаться от страха погромов. Куда можно просто сбежать.

Но и в этой ситуации, когда многих отъезжающих душит обида, — даже и в этих условиях многие едут неохотно. По необходимости: «Дожили...».

* * *

Не нужно строить особых театров для евреев. Нужно другое: покончить

Ветер с Волги

Река не знает границ. Она не разбирает — русский, татарин, калмык, чуваш или мариец, немец или болгарин берет ее воду для жизни, энергию для телевизора, пользуется ее покорностью для сброса отходов. Всем она дарит мощь своего потока, безбрежность плесов, свободу, смывающую кровь, — при Разине, Пугачеве или Ульянове.

Поздно дошла до нас перестройка. Сначала вспыхнул Ярославль, через два года — Волгоград, шевельнулись Казань и Самара, но спит Нижний Новгород, молчат Кострома и Астрахань. Гляньте на Восток: есть Ассоциация сибирских городов, «Сибирская газета», агентство «СиБиА». Что делается в Прибалтике, на Кавказе, в Молдавии! И это — среди болот и нефтяных вышек, в ущельях скал, степях, где бунтует дух человека.

Чувство границы нужно нам, волгарям. Европейское чудо — японское ли, американских ли штатов — опирается на естественный масштаб человеческого муравейника. Когда в улье появляется новая матка, он разделяется. Ибо если нет простора для личности, начинает гнить и разлагаться вся общественная структура.

Русский характер — на безбрежных равнинах. Японец держит в голове свой остров, как Маленький принц свою планету. Приоритет нашей реки

с расистским подходом к проблеме гражданства в СССР. И прежде всего для лиц с пометкой, ликвидировать паспортную запись их несуществующей национальной принадлежности.

Инна РЫВКИНА,
социолог,
г. Москва.

должен войти в наши сердца, разве мало нам этой земли и этой воды, нам, 20 миллионам, бояться ли 10-километровой Москвы, опустошившей пол-России за 70 лет централистского угара?

Река связывала города и народы. Дешевый транспорт давал естественные торговые отношения. Поставленная на голову экономика Сталина — Брежнева абсолютизировала северный и восточный БАМы. «Волги» с ГАЗа едут через столицу в Чебоксары, а оттуда на сухогрузе в Петербург! «Пятое колесо» через Киров и Свердловск докатилось, наконец, до Нижнего и показывает сюжет из Калинин, ставшего Тверью.

Впереди экономики идет политика. Если до сих пор нет Коммунистической партии Волги — пусть будут христианские демократы, анархисты, монархисты. Лучше свой царь, чем московский дядя «товарищ»!

Мы спасемся или погибнем вместе со своей рекой. Христиане, мусульмане и атеисты, демократы, радикалы и националисты, — кто не любит осетра и мечтает о своем Чернобыле? Почему мы должны внимать Горбачеву или Ельцину? Неужели предел нашего понятия о гласности — сибирский пресс-бюллетень да Собчак по телевизору?

Несколько слов о Нижнем Новгороде, как столице русского Нила. У нас была всемирная ярмарка — это неплохой задел. Есть несколько красивых церквей, замечательный Кремль на лучшем в Европе откосе. Есть и государственный банк, построенный к 300-летию династии Романовых, охраняемый советским милицейским постом. Однако для столицы Республики, конечно, этого мало. А сколько богатств накоплено в двух самодовольных русских столицах!

... Новыми русскими республиками-штатами станут Сибирь, Урал, Дальний Восток. Единая и неделимая Россия совершит скачок в царство Свободы, воссоединив свои раздробленные на 100 административных областей территории в крупные самоуправляемые, естественно, и исторически связанные, многонациональные земли!

Игорь ЗВЕРЕВ,
г. Нижний Новгород.

Пособие погромов?

Недавно бакинское издательство «Элм» объявило о будущей серии книг «История и культура народов Кавказа». Вышел ее первый том, репринтное воспроизведение книги В. П. Величко «Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы» (СПб, 1904).

Вначале несколько цитат из этой книги. «Идея равенства рас — глубочайше неверная... Каждый народ обладает умственным организмом, столь же устойчивым, как и его анатомические черты»; «...армянин — просто одетое в сюртук хитрое животное». А дальше — сиволалые «брюнеты», «полуграмотные оборванцы», «мазутные королевны». Этими изящными выражениями избранный издательством «Элм» автор величает всех армян.

Книга являет собой сборник отвратительных анекдотов, слухов и цитат, исполненных ненависти к армянам. Накачивая недалёкого читателя своим расистским ядом, автор пишет

о каких-то «картах Великой Армении чуть ли не до Воронежа». (Словечко «чуть ли» ясно показывает, что автор лжет, но рассчитывает на забывчивость читателя.) Таков уровень этого исследования. Ну и само собой разумеется, что все густо содобрено антисемитизмом.

Вывод ясен. Издательство АН АзССР пропагандирует (о науке здесь и речи нет!) вражду к армянам, учит ненависти и злобе.

В истории каждого народа есть события, люди и книги, которых стыдятся потомки. Их тоже надо знать, ибо и это — история. Но здесь — иное. Здесь сознательно поднимают «муть истории» и заливают ею — что? — сознание молодых, неопытных, порывистых.

Если однажды вновь вспыхнут армянские погромы, то знайте: их прибилизил и эта книга...

Э. МЕНДЕЛЕВИЧ,
член «Мемориала»,
г. Орёл.

СТРАСТИ ВОКРУГ ВЛАСТИ

В. Шейнис. Мы живем в мире парадоксов: реальные политические понятия сплошь да рядом обозначаются мифологическими терминами, которые скорее затемняют суть дела, чем расчищают почву для содержательного диалога. Вновь, как и семь десятилетий назад, воссиял лозунг «Вся власть Советам!». На деле никакой власти Советов в первоначальном смысле этого понятия никогда не было и, думаю, не будет. На самом деле, с одной стороны, идет пересадка известных партийных структур, «вживление» их в новые политические образования, функции и полномочия которых пока еще не очень ясны. Неизвестно, каким образом будут осуществлять власть президентский совет и правительство, главные представители которого выведены теперь из Политбюро. А с другой стороны, левые, которые не устают требовать полновластия Советов на митингах, сознательно или бессознательно ведут дело к созданию парламентской структуры, которая принципиально отличается и от Советской власти, как она была задумана, и от ее образа, «государства типа Парижской коммуны».

Поэтому, начиная разговор о власти, надо обозначить, вокруг чего идет борьба, какие модели власти пытаются создать та или иная партия, движение. Сделать это нелегко, так

как оформленной партийно-политической структуры у нас пока нет. Придется адресоваться к традиционному делению, которое вошло в наш политический лексикон: левые, правые и центр. Так какие же цели ставит та или другая сторона и в какой мере реально их достижение? Какие факторы работают на каждую из этих сил?

И. Клямкин. Обсуждая вопрос о власти, мы прежде всего должны спросить себя о ее «призвании»: для какой она существует функции? Очевидно, функция эта такова, что старая власть ее выполнять не может — она была сильна лишь в границах своих задач. Не обладая легитимностью в традиционном понимании (никто не выбирал ее путем свободного голосования), она, по крайней мере при Сталине, обладала идеологической легитимностью среди широких слоев населения. Это позволяло сталинскому режиму иметь очень сильные политические и репрессивные структуры, которые сохранили свою силу и влияние и тогда, когда цементирующая роль идеологии начала размываться и постепенно исчезать. Сила партийной структуры была в монополии на организацию, которая благодаря мощному привилегированному аппарату пронизывала все сферы общественной жизни. При Сталине, конечно, существовала и определенная идеологическая опо-

ра, поддерживаемая во многом благодаря дезинформации. Но при Брежневе она уже выветрилась, хотя для поддержания политического статуса кво и гонки вооружений (на определенной технологической базе) этой власти хватало с лишком. Лишь когда вызов Запада стал военно-технологическим, опора режима зашаталась. И все суетливые перемещения партийного руководства после смерти Брежнева, все попытки найти лидера нового типа (сначала Андропов, потом Горбачев) были прежде всего реакцией на евроракеты, а потом на СОИ. Старая власть, выдвигая новых лидеров, надеялась найти ответ на внешний вызов, оставаясь сама собой — все той же монопольно-партийной «императрицей». Но теперь и младенцу ясно, что для новых задач она не пригодна. Технологический вызов — это вызов рыночной экономики экономике нерыночной. И власть, вся сила которой держалась на том, что она уничтожила рынок, вынуждена пойти на его восстановление. Но обеспечить этот переход она может, только съев самое себя, — самоликвидировавшись в качестве монопольной власти партаппарата.

Этот процесс мы наблюдаем сегодня, и здесь не должно быть иллюзий. Если посмотреть на наши реформы сквозь призму того, что происходит в Восточной Европе, то мы увидим, что с точки зрения перехода к рынку, мучающие нас сегодня проблемы далеко не главные, что общество наше пока в преддверии, в какой-то подготовительной стадии. Действительно серьезные проблемы начинаются тогда, когда старая система власти, основанная на партийной монополии, демонтирована и возникают новые структуры в результате свободных демократических выборов. Прежде всего переход к рынку, сталкивающий между собой разные интересы,

требует решить проблему консенсуса. Я вовсе не утверждаю, что резкое столкновение интересов неизбежно. Но после того, как тоталитарные структуры демонтированы, все трудности оказываются не позади, а впереди. И одна из главных — проблема формирования власти, способной обеспечить условия для перехода к рынку. Наша слабая, только что вытлупившаяся из коммунистических тоталитарных структур парламентская демократия, не имеющая серьезной опоры в экономике, может не справиться с такой задачей.

Дело в том, что у нас демонтаж тоталитарных структур начался в очень своеобразной форме. Никогда так не случалось, чтобы демократизация политической системы началась до складывания отдельных секторов рыночной экономики. В Венгрии, Польше, Югославии, Китае такие секторы начали формироваться и развиваться при сохранении партийной монополии на власть. Демократия, плюралистическая многопартийная система — все это появилось там позже, да и то не везде. Уникальность нашего развития в том, что у нас преобразование старой структуры власти началось до того, как возникли даже зародыши рыночных отношений. Это связано с тем, что у нас интересы партаппарата особенно глубоко укоренились во всех общественных сферах, в том числе и в сельском хозяйстве, с которого началось формирование рыночных отношений в других странах, освобождающихся от тоталитаризма. И поэтому главное для нас сегодня — вытеснить старый аппарат и создать новые структуры власти.

Л. Карпинский. Правящая партия по части авторитета у общества оказалась сейчас наиболее бедной. Скорее это была не партия, а священный союз совкупного начальства, и зада-

ча заключалась в том, чтобы в этом союзе состояло не просто много со-общников, а все те люди, у которых есть хоть одна властная, распорядительная функция. Еще в 20-х годах было сказано: незачем бюрократии искать какой-то социальный класс, на который можно опереться, — она сама есть достаточно мощный класс владельцев распорядительных функций и опирается сама на себя. Если бы партия не интегрировала внутрибюрократическую работу, она бы просто погибла от самоедства. Теперь она как источник всеохватывающей власти, мне кажется, кончилась. И когда со всех трибун партийный аппарат обещает «выкрутиться», как только он пойдет в народ, научится «жить в гуще» — это очередная блеф. Что в этой «гуще» он может сказать? Когда я летом попал на московскую городскую партийную конференцию, то мучился одним ощущением, перед мной была партия беспредметной деятельности. Собравшиеся двое суток конвульсивно искали свой утерянный предмет. Причем, было заметно, что цена трибуны партийного форума предельно понизилась. Один оратор прямо сказал: вот я критикую положение с детскими садами, но если еще несколько лет назад я знал, что после выступления с такой трибуны что-то будет сделано, то сейчас — никто и ухом не поведет.

Принятое последним съездом программное заявление не перевешивает того невероятно тяжелого груза, который КПСС имеет за своими плечами. Мне кажется, что этот груз уже неподъемен. Остатки власти КПСС основаны не на ее идеологии, а на том, что она, как рыба в чешуе, упрятана в административных структурах власти в качестве все еще приказывающего звена. Образно говоря, без милиционера у дверей обкома и без администратора-коммуниста во

главе предприятия или Совета у нее власти нет. Она гораздо хуже работает, но по сей день «торчит» в каждом эпизоде жизни. Так что окончательный уход ее от власти, по-моему, теперь связан не с какими-то внутрипартийными процессами, а с тем, насколько быстро рынок размоет всю эту чудовищную административную пирамиду.

В. Шейнис. Кризис системы «партия — государство» начался не сегодня и даже не вчера. Но сейчас дело пошло дальше: не просто партия не способна управлять государством, но начался распад самой КПСС как универсальной политической структуры, пронизавшей все советское общество. Власть не может больше опираться на партию и осуществляться через нее. И самое интересное, борьба в партии, судьба партии перестают быть проблемами, волнующими общество.

Конечно, нельзя сказать, что КПСС ушла на обочину политической жизни: определенные механизмы воздействия на общественные процессы у нее сохраняются. Но ряд недавних событий, в том числе неожиданный финал XXVIII съезда, отчетливо выявил противоречивые тенденции. Ключевые решения на Пленумах ЦК и на партийных съездах по-прежнему принимаются вне зависимости от настроений большинства делегатов. После поражения на выборах в союзный парламент партаппарат развернул концентрированную, невиданно откровенную атаку на реформаторов во главе с Горбачевым, на весь курс реформ. На апрельском Пленуме 1989 года правые как бы решили: что дозволено левым на площадях, то можно и нам в узком «семейном кругу». Бог с ними, с субординацией и партдисциплиной, — скажем все, что думаем. В любой нормальной политической партии за подобным словоизвержением последовала

бы смена руководства. Но в итоге неожиданно оказалось: все, что хотел провести на этом Пленуме Горбачев, было одобрено «единодушно».

Когда я, по праву депутата, пришел на российский учредительный съезд, агрессивное правое крыло казалось воспрянувшим, идущим напролом. А Горбачев — растерянным, едва удерживающимся на этой яростной волне. И вдруг на XXVIII съезде — будто кто волшебной палочкой взмахнул. У меня пока нет окончательного ответа, почему так произошло. Велась ли со стороны реформаторского ядра во главе с Горбачевым сознательная игра, загнавшая Лигачева и его соратников в ловушку, или за несколько дней были мобилизованы такие политические ресурсы, которые изменили соотношение сил? Можно вообразить, как уже посетовал одни из делегатов, что Горбачев обладает качествами Кашпировского и ему дано подчинять своей воле людей с прямо противоположными устремлениями.

Действительно, почему правые, располагая контрольным пакетом на съезде, повинуются лидеру-реформатору? Почему они «продали» Лигачева? От Лигачева к Полозкову — это ведь почти то же самое, что от Брежнева к Черненко!

И. Клямкин. Мне кажется, что российский съезд был оценен неправильно. Правые консолидировались, но это была консолидация не сильных, а слабых — они не нашли лидера лучше Полозкова. Больше им ничего не надо: сохранить партию аппаратного типа. Но тем же объясняется и их повиновение «магической силе» президента. Аппарат, почувя опасность, цепляется за него. Там сознают, что окончательный уход Горбачева в президенты ускорит развал старых структур. В то же время и Горбачев пока не может полностью положиться на какие-то новые струк-

туры и поэтому считается с партаппаратом и даже прикрывает его, облекая муки его политического отступления.

В. Шейнис. Собственно аппаратные силы — только часть консервативного лагеря. Но там есть свои формальные и неформальные структуры. Верхушка формальных структур — это 1200—1300 «твердых» голосов на XXVIII съезде (приблизительно еще столько же — тяготеющих к ним) и примерно 350 голосов на Съезде народных депутатов России. А неформальная часть — рассредоточенные образования от Объединенного фронта трудящихся (ОФТ) до боевиков «Памяти» и родственных ей организаций. Правда, широковещательно заявивший о себе национально-патриотический блок потерпел сокрушительное поражение на выборах и не сумел создать хоть маленькую собственную фракцию. Но настроения его в нашем квазипарламенте вобрали известная часть фракции «Коммунисты России», хотя, конечно, нельзя ставить знак равенства между ними.

Быстро формирующийся правоконсервативный лагерь, с одной стороны, декларирует верность марксизму-ленинизму. Но многие его сторонники понимают, что если следующие выборы будут действительно свободными, то под старым знаменем им много голосов не собрать. Поэтому, как пчелки в улей, они собирают в свой идеологический арсенал и ущемленные имперские амбиции, и великорусский шовинизм, и изоляционизм, и правопопулистский эгалитаризм. А пуще всего — держатся за партийные структуры, за обкомы и за Президента. Горбачев не вполне «свой», но в его руках власть... А власть они привыкли ценить превыше всего.

И. Клямкин. Если проследить ход перестройки, то легко увидеть, как

закономерно Горбачев двигался в сторону все более глубоких перемен. Столкнувшись с сопротивлением аппарата, выдвинувшего его для своей же самозащиты, он неизбежно должен был подключить к проведению реформ общество, а оно, проснувшись, заставило его идти значительно дальше, чем того многие ожидали.

В то же время приходится признать, что в партии на XXVIII съезде сложился центристско-правый блок, в котором доминирует группа Горбачева. Правые сохранили сильные позиции, а многие левые ушли вообще. Однако левоцентристский блок может возникнуть (и, похоже, зарождается) не по линии партии, а между группой Горбачева в центре и левыми силами национального возрождения в республиках, не только не состоящими в партии, но и утвердившимися в противостоянии ей. А поэтому нужно более вдумчивое отношение Президента к позиции левых. Меня лично с этой точки зрения насторожило его поведение во время выборов Председателя Верховного Совета России, когда он Ельцину предпочел Полозкова. Я думаю, это объяснялось не только боязнью негативной реакции справа, но и опасениями, что с Ельциным никакого контакта не получится. Как бы то ни было, этот эпизод можно считать едва ли не самой серьезной ошибкой Горбачева за все годы перестройки. Избери съезд Полозкова — и важнейший канал движения был бы для Горбачева закрыт.

В. Шейнис. Он не всегда до конца понимал последствия своих шагов. Но показал поразительную для человека, выдвинутого аппаратными структурами, способность к обучению, к извлечению уроков.

Легче всего теперь критиковать Горбачева. Я не против критики, но давайте договоримся: за что он действительно ее заслуживает. Пред-

ставим такой сказочный сценарий. Горбачев порывает с правыми; ведя дело к расколу партии не налево, а направо. Конечно, тогда ситуация на съезде была бы другой: так ушло несколько десятков человек, а с Горбачевым откололась бы значительная часть. Ушло бы несколько сотен, может быть, даже две-три тысячи. Можно понять, почему Горбачев и его окружение не были готовы к такой решительной операции: столь круто поменять расстановку сил, дезавуировать полозковский съезд значило пойти на очень уж непривычный риск. Но мне кажется, что риск был не так уж и велик, — а такой поворот мог бы привести к значительной радикализации общественных настроений, укреплению реформистских сил в стране. Выиграв тактически, Горбачев проиграл на XXVIII съезде стратегически. Думаю, если не захочет выбиться из всей логики своего поведения после 1985 года, ему все равно придется принимать нелегкое решение. Но важно сделать это раньше, а не позже. Потом тот же шаг, может, будет и легче сделать, но он будет менее результативен.

Л. Карпинский. Если брать отношение Президента к радикалам, то он провел почти все, чего они требовали раньше, — и по шестой статье, и по правительственной программе, и по президентской власти. Но политик в таком случае должен хотя бы одной фразой вспомнить авторов: «Как еще полгода назад говорили радикалы — и здесь они, можно признать, оказались правы...» Мне кажется, здесь мешает Президенту психологическое наследие большевизма: можно вершить что угодно, но только быть всегда инициатором. И страшно тяжело допустить мысль, что кто-то лучше о чем-то сказал, раньше о чем-то догадался. Я глубоко убежден, что у Горбачева много хороших качеств,

но и эту черту, к сожалению, про-
сматриваю.

В. Шейнис. Тут надо вот еще что уметь. Демократы заботятся только о том, чтобы двигать процесс вперед, в этом их роль и заслуга. А центральная власть, кроме того, должна еще обеспечить определенную общественную стабильность. И когда на нынешних митингах ораторы срывают аплодисменты, предъявляя Горбачеву все мыслимые и немыслимые обвинения — что теперь и безопасно, и популярно, — мне кажется, что это не совсем благородная игра. Но я тоже задаю себе вопрос: почему Горбачев во многих случаях занимает столь резко конфронтационную позицию в отношении левых?

Когда, наконец, будет понятно, что единственный вариант мирного перехода к рыночным отношениям, к устойчивой демократии, правовому государству и т. д. — это не мифическая консолидация всего общества — ее уже никогда не будет, — а форсированное создание левоцентристской коалиции.

И. Клямкин. Но не будем забывать, что более радикальному лидеру в центре сегодня было бы очень непросто. Тем более, что во многих регионах влияние партийных структур гораздо сильнее, чем в Прибалтике и даже чем в России. Задача демократов — не топить, а подталкивать Горбачева вперед по пути реформ. Если, конечно, есть надежда, что он способен двигаться влево. И это не противоречит стабильности, если подталкивать не только митингами, но и созданием демократических структур власти. Самые резкие речи в наших перестроечных гайд-парках очень незначительно влияют на линию Президента. А вот победы демократов на выборах в Моссовет, Ленсовет, победа Ельцина на первом Съезде народных депутатов России

заставляют двигаться, потому что изменяют соотношение политических сил.

Но не только это важно. В чем, скажем, слабость «Демократической России»? Все ее важнейшие решения могут быть заблокированы в республиканском парламенте сторонниками партаппарата. Необходимо, чтобы на стороне демократов были не только общественные настроения. Очень важно, чтобы и организованное рабочее (и не только рабочее) движение становилось фактором поддержки демократии в законодательных органах власти.

Л. Карпинский. Как сказал мой старинный друг, теперь власть не столько берут, сколько организуют. Точное замечание. Нельзя захватить власть и лечь спать на диванчик. Нужен процесс властвования, то есть решения конкретных проблем и создания для этого разветвленной сети демократических организаций. Я думаю, что жизнь подведет к созданию очень широкого организованного альянса демократических сил как реальной опоры новых Советов. В то же время, видимо, концентрируются силы, которые могут стать социальной базой военного переворота.

В. Шейнис. Наши товарищи из Клуба избирателей Академии наук (А. Собянин, Д. Юрьев, Л. Ефимов) проанализировали 10 наиболее характерных поименных голосований на Съезде народных депутатов РСФСР. Они распределили голосующих по преимуществу за демократические и консервативные предложения в соответствии с классификацией депутатов по основным социально-профессиональным группам. Интересно, что депутаты, принадлежащие к верхнему и среднему эшелонам власти и управления, как правило, голосовали за предложения, которые поддерживала фракция «Коммунисты

России», а большинство рядовых рабочих, крестьян, интеллигентов, да и низовых начальников — за предложения «Демократической России».

Исследование дает возможность проследить, как голосуют депутаты, представляющие силы, на которые может опираться военный переворот. Высшее военное руководство за предложения «Демократической России» голосует в 16 процентах случаев, среднее — в 63, нижнее — в 73. Разные эшелоны руководства МВД — соответственно 40, 55 и 86 процентах всех голосований поддерживали наши предложения. (Для сравнения отмечу, что социалистические феодалы, к числу которых принадлежат многие руководители колхозов и совхозов, поддерживали нас только в 39—40 процентах голосований). Теперь представьте: генерал Макашов и его

единомышленники, по-видимому, готовы отдать роковой приказ. Но если не отдадут, значит, нет у них уверенности, что, спущенный по цепочке, он будет выполняться.

И. Клямкин. Я бы всё-таки закончил на том, против чего, насколько могу судить, никто из нас не возражает. Я хочу еще раз подчеркнуть: хватит, наконец, демократам все происходящее сводить к Горбачеву! «Саюдис»-то возник независимо от Горбачева. А когда набрал силу и оттеснил партаппарат от власти, взаимоотношения Президента с этим аппаратом его уже и не интересовали. Давайте думать прежде всего о себе, о том, чтобы увеличить свои силы, укрепить свои позиции в тех или иных структурах. От этого зависит все — в том числе и поведение Президента.

(Окончание со стр. 21)

ные уполномоченные подписали настоящий договор.

Составлено в городе Вашингтоне, апреля четвертого дня 1949 года.

Договор ратифицирован и вступил в силу 24 августа 1949 года.

Примечание:

Протоколом о присоединении Греции и Турции к Североатлантическому договору от 22 октября 1951 г. статья 6 изменена следующим образом.

СТАТЬЯ 6

Упомянутое в статье 5 вооруженное нападение на одну или несколько договаривающихся сторон включает в себя вооруженное нападение.

1) на территорию любой из сторон в Европе или Северной Америке, на алжирские департаменты Франции** на территорию Турции и острова, находящиеся под юрисдикцией любой договаривающейся стороны в северо-

атлантическом районе — к северу от тропика Рака;

2) на вооруженные силы, суда или летательные аппараты договаривающихся сторон, находящиеся на этих территориях или рядом с ними, или в каком-либо другом районе Европы, где были расположены оккупационные войска любой из сторон в момент вступления договора в силу или же в Средиземном море, или в районе североатлантического океана — к северу от тропика Рака.

Печат. по изд. "The Department of State Bulletin", vol. XXV, No. 643, October 22, 1951, pp. 650—651.

** Временное правительство Алжирской Республики 19 сентября денонсировало включение Алжира в сферу действия Североатлантического договора (см. "L'Humanite", 29 sept., 1960). В январе 1963 года Совет подтвердил, что Североатлантический договор со дня приобретения Алжиром независимости — 3 июля 1962 г. — не распространяется больше на страну.

КТО ЭТИ ДВОЕ?

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВОЕВЛАСТИЕ В МОСКВЕ

Беседу ведут кандидат философских наук
Николай ШУЛЬГИН
 и кандидат философских наук,
 народный депутат РСФСР
Сергей ЮШЕНКОВ

С. Юшенков. Долгое время у нас в стране и за рубежом перестройку связывали с именем Михаила Горбачева. Собственно говоря, все изменения происходили действительно благодаря если не инициативе, то по крайней мере, невмешательству, своего рода «центристской» позиции, Генерального секретаря ЦК КПСС.

Но вот, несмотря на сопротивление Горбачева, его оппонент Ельцин был избран Председателем Верховного Совета РСФСР. И сегодня все прекрасно понимают, что от взаимоотношений Президента СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС и беспартийного Председателя Верховного Совета РСФСР зависит не только судьба России и Союза ССР, но и всего мира. И это не преувеличение, это реальность наших дней. Вы писали о Горбачеве в «Веке XX» (6/89). Что на ваш взгляд, объединяет и что разделяет Горбачева и Ельцина?

Н. Шульгин. Горбачев и Ельцин воплощают некий сдвоенный социальный миф. Общественное сознание обычно связывает происходящее с конкретным человеком, вознесенным

на вершину пирамиды. И он, даже где-то и объективно, перестает быть лишь конкретной личностью. Он действительно сливается с мифом.

И Ельцин, и Горбачев — радикальные реформаторы. Пусть понятие «радикализма» сейчас кажется не очень применимым к Горбачеву. Но объективно это так. «С точки зрения вечности» — это так. Рыба не очень замечает воду, где она живет. Так и мы скорее обращаем внимание на детали, чем на главный принцип. «Охранительные» речи Горбачева — лишь детали. Главный же принцип его деятельности — радикальная реформа. Я бы даже назвал перестройку — Великой реформой.

Если же понимать перестройку в узком смысле слова как первую стадию Великой реформы, то это — либерализация «реального социализма». Горбачев — лидер либерализации, лидер перестройки. Ельцин — лидер «постперестроечного» периода. С Ельциным во главе Россия реализует, очевидно, новую, несоциалистическую модель социального бытия. Ельцин — это символ практического перехода к данной модели. Ее основа — приоритет частной инициативы. Поэтому я назвал бы данную модель приватизмом. Обычно говорится, что дело не в названии. Но название, имя задают подсознанию изначальную ориентацию.

С. Ю. Очень часто приходилось

слышать, что секрет «феномена Ельцина» — в популизме, и какими только уничижительными эпитетами этот популизм не назывался! В какой-то мере Ельцин действительно популист, но не в негативном смысле. Он выражает чаяния народа, ждущего хоть каких-то сдвигов в сторону улучшения жизни. Программа «500 дней» ориентирована именно на этот фактор ожидания. Но не слишком ли она эксплуатирует сугубо русскую веру в чудо?

Н. Ш. Мне кажется, что мечту о чуде не нужно ни сбрасывать со счетов, ни подвергать жесткой критике. Ведь энтузиазм, надежда — это то, что пробуждает духовную энергию, которая может перейти в реальное действие.

С. Ю. На мой взгляд, успех Горбачева базировался на резком контрасте с прежними руководителями. Вместо манекенов мы увидели живого здравомыслящего человека. Это тоже казалось чудом.

Н. Ш. Совершенно верно, тут «достаточно изысканные» политические манеры и дали всплеск популярности. Что касается популярности Ельцина, то это успех человека искреннего, говорящего правду, человека, в котором нет, как мне кажется, своеобразного фильтра, преобразующего мысли для себя в речи для других.

Ельцин удовлетворяет потребность в искренности. Политик, который будет кумиром после Горбачева и Ельцина, должен, наверное, представлять некий своеобразный синтез того и другого, если такой синтез вообще возможен.

С. Ю. Секрет успеха человека любой профессии — в его способности совершенствоваться. Вспомним, как Горбачев начинал: частые встречи с народом. Он и говорил чрезвычайно просто и почти всегда угадывал, чего от него ждут. В этом смысле он попу-

лист в не меньшей степени, чем Ельцин. Затем мы наблюдаем как бы отрыв Горбачева от земной основы — он воспарил над действительностью. Думаю, не случайно указы Президента по сути дела невыполнимы, ибо они игнорируют объективные реальности. Казалось, что Горбачев исчерпал себя. Особенно удивляла его позиция избранию Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР. А на съезде российских коммунистов мы увидели просто какого-то растерянного человека. Начало XXVIII съезда КПСС ничего хорошего ему тоже не обещало. Но он сумел взять в руки себя, а заодно и большую часть съезда. И смотрите, что получается теперь, — Горбачев находит общий язык с беспартийным Ельциным, так и не сумев до этого консолидироваться с членом ЦК КПСС Ельциным! То есть Горбачев достаточно четко продемонстрировал свою готовность учиться и делать выводы — но лишь тогда, когда нарастает угроза его личной власти, его авторитету.

Н. Ш. В определенном смысле Горбачев воплощает некое среднеарифметическое происходящих социальных процессов. Но центризм может быть «левым» и «правым»! У Горбачева он сдвинулся по сравнению с начальным периодом его правления «вправо» (в нашем извращенном, советском понимании). Я бы сказал так: если в начале своей деятельности на посту Генерального секретаря Горбачев выражал принцип динамики, то в последнее время он стал делать явный упор на принцип стабильности.

Мне кажется, что Горбачев и Ельцин сейчас хорошо дополняют друг друга. Горбачев — это идея изменений в условиях стабильности — ровно настолько, насколько необходимо, — в противном случае мы имели бы разгул социальной нестабильности. Отсюда спор Горбачева и Ельци-

на — это спор стабильности и динамики в самом процессе нашего социально-политического развития. В этом смысле, это спор в рамках прогресса.

С. Ю. На первом Съезде народных депутатов РСФСР Горбачев противился тому, чтобы Ельцина избрали Председателем Верховного Совета России. Он явно был согласен даже на то, чтобы главой российского парламента стал И. К. Полозков — противник его курса. Слава Богу, Горбачев сумел преодолеть себя и сделал шаги навстречу Ельцину. И мы видим, что в результате такого движения появляется уверенность в действительной стабильности, стабильности именно в рамках динамики. Но чем все же объяснить такую острую неприязнь к Ельцину со стороны Горбачева?

Н. Ш. Я думаю, что с именем Ельцина, до того как он пришел к власти в России, было связано некое поле неопределенности. Неизвестно, что можно было от него ожидать. После его избрания, глядя на его конкретное политическое поведение, многие политические противники изменили свою точку зрения. И стали, если не союзниками, то во всяком случае людьми, настроенными к Ельцину лояльно.

Для поверхностного взгляда — это борьба личностей. На уровне глубинном — борьба фундаментальных принципов и идей, которые эти личности воплощают. Мне кажется, что многие плюсы Ельцина — это, помимо всего прочего, и результат сознательного отталкивания от минусов Горбачева. Ельцин строит свой политический имидж, противопоставляя его недостаткам политического имиджа Горбачева. Таким способом Ельцин проявляет себя в качестве альтернативного лидера.

Я бы даже сказал так: Ельцин —

это Горбачев в идеале, тот Горбачев, которого общественность, народ хотели бы видеть с самого начала. В этом смысле Ельцин внутренне зависим от Горбачева, ибо Горбачев дает ему нечто вроде стартовой площадки для взлета.

Я думаю, что Ельцин внутренне нуждается в Горбачеве. Впрочем, точно так же, как Горбачев в Ельцине. Ведь глядя на Ельцина как на свое своеобразное идеальное воплощение, Горбачев имеет возможность эти недостатки исправлять.

С. Ю. В определенных кругах общественности бытует мнение, будто Ельцин менее интеллигентен, чем Горбачев. Впрочем, само понятие интеллигентности у нас деформировано...

Н. Ш. Мне кажется, что интеллигентность многими понимается как мягкость. Но политик должен быть достаточно твердым при всем демократизме, чтобы принимаемые им решения уважались структурами, призванными воплощать их в жизнь. Поэтому для меня так называемая «неинтеллигентность» Ельцина не носит никакого отрицательного оттенка. Я думаю, что это классический русский человек — решительный, твердый и достаточно интеллектуальный для того, чтоб учиться на собственных и чужих ошибках. Успех политика — это успех его политической программы. И коль скоро его политическая программа пользуется успехом, то, очевидно, и в самом политике есть качества, заставляющие людей поддерживать его.

С. Ю. Ельцин-диктатор и Ельцин-демократ. В общественном сознании бытуют и тот и другой образы. Кто он? Диктатор, прекрасно понимающий, что диктатором можно стать в настоящее время, только исповедуя демократические принципы? Или это демократ, сознающий, что для утвер-

ждения демократии нужны в какой-то степени и черты диктаторского типа?

Н. Ш. Нельзя считать диктатором того, кто не осуществляет диктатуры. Ельцин символизирует переход русской национальной идеи от приверженности жесткому централизму к максимальному местному самоуправлению. Иначе говоря, переход от идеи господства к идее свободы. Поэтому в его личности можно найти оба начала. Они есть и в каждом из нас, и в стране в целом.

С. Ю. А что тогда символизирует Горбачев?

Н. Ш. Я думаю, что Горбачев — это символ величайшего мирного переворота XX века. Он принадлежит к типу политических деятелей, которые развязывают силы, могущие смети их самих.

Горбачев, кроме всего прочего, играл перед бюрократией и роль «заклинателя змей». Он говорил с ними их языком. Он убеждал их не жалить. Он гипнотизировал их ритмами своих пространных речей. Успех был полным: «змеи» шипели, раскрывали пасти... и уходили в отставку. Это ведь тоже немало стоит!

С. Ю. Союз между Горбачевым и Ельциным начинает складываться. Будет ли он долгим и прочным — от

этого может зависеть наше будущее. Есть ли у вас на этот счет какой-либо прогноз?

Н. Ш. На мой взгляд, этот союз, если он будет долгим, будет союзом скорее политических принципов, чем политических личностей, союзом оппонентов. Мой прогноз? Принцип стабильности в рамках динамического процесса не может обойтись без принципа динамизма, и наоборот. Поэтому кто бы ни был на месте Горбачева и Ельцина, если они будут воплощать данные принципы, то они будут органически нуждаться друг в друге. Думаю, у Горбачева есть все шансы оставаться Президентом в ближайшие несколько лет, если он будет себя правильно вести. Главное — если у него не сдадут нервы...

У нас ведь удивительная страна. Того или иного политика можно публично годами поливать грязью, склонять на все лады, а ему хоть бы что. Лишь уважать станут: смотри, мол, какой твердый, не уходит...

С. Ю. Что касается Ельцина, то пока что судьба милостива к нему. Будет ли ее благосклонность устойчивой? Во всяком случае, большая часть из нас, я думаю, заинтересована в этом.

СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ ДОГОВОР

(4 АПРЕЛЯ 1949 ГОДА)

Договаривающиеся стороны подтверждают свою веру в цели и принципы Устава Организации Объединенных Наций и свое желание жить в мире со всеми народами и всеми правительствами.

Они преисполнены решимости оградить свободу, общее наследие и цивилизацию своих народов, основанные на принципах демократии, свободы личности и господства права.

Они стремятся обеспечить стабильность и благосостояние в Североатлантическом районе.

Они твердо решили объединить свои усилия для коллективной обороны и для сохранения мира и безопасности.

Поэтому они договорились о нижеследующем Североатлантическом договоре:

СТАТЬЯ 1

Договаривающиеся стороны обязуются, как это обусловлено Уставом Организации Объединенных Наций, разрешать все международные споры, в которые они могут быть вовлечены, мирными средствами, таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость, и воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения каким-либо образом, несовместимым с целями Объединенных Наций.

СТАТЬЯ 2

Договаривающиеся стороны будут содействовать дальнейшему развитию мирных и дружественных международных отношений путем укрепления своих свободных учреждений, путем достижения лучшего понимания принципов, на которых развиваются эти учреждения, и путем развития условий, обеспечивающих стабильность и благосостояние. Они будут стремиться устранять конфликты в своей экономической международной политике и будут поощрять экономическое сотрудничество между всеми ими или любыми из них.

СТАТЬЯ 3

Чтобы обеспечить наиболее эффективное осуществление целей настоящего договора, договаривающиеся стороны, порознь и совместно, путем постоянного и эффективного разделения собственных средств и оказания взаимной помощи, будут поддерживать и развивать свою индивидуальную и коллективную способность сопротивляться вооруженному нападению.

СТАТЬЯ 4

Договаривающиеся стороны будут консультироваться между собой всякий раз, когда, по мнению любой из них, территориальная целостность, политическая независимость или безопасность любой из договаривающихся сторон окажется под угрозой.

СТАТЬЯ 5

Договаривающиеся стороны соглашаются, что вооруженное нападение на одну из них или на несколько сторон в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на все договаривающиеся стороны, и вследствие того, они соглашаются, что, если такое вооруженное нападение произойдет, каждая из них, в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону, признанного статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций, окажет стороне или сторонам, подвергшимся такому нападению, помощь путем немедленного принятия, индивидуально и по соглашению с другими договаривающимися сторонами, такого действия, какое она сочтет необходимым, включая применение вооруженной силы, чтобы восстановить и поддержать безопасность североатлантического района.

Обо всяком таком вооруженном нападении и всех мерах, принятых вследствие него, будет немедленно сообщено Совету Безопасности. Такие меры будут прекращены, когда Совет Безопасности примет меры, необходимые для восстановления и поддержания международного мира и безопасности.

СТАТЬЯ 6*

Упомянутое в статье 5 вооруженное нападение на одну или несколько договаривающихся сторон включает в себя вооруженное нападение на территорию любой из сторон в Европе или Северной Америке, на алжирские департаменты Франции, на оккупационные войска любой договаривающейся стороны в Европе, на острова, находящиеся под юрисдикцией любой договаривающейся стороны в североатлантическом районе — к севе-

ру от тропика Рака, или на суда или самолеты любой из договаривающихся сторон в этом районе

* Измененный текст этой статьи см. в конце.

СТАТЬЯ 7

Настоящий договор не затрагивает и не будет толковаться как затрагивающий каким-либо образом права и обязательства, возлагаемые Уставом Организации Объединенных Наций на договаривающиеся стороны, которые являются членами Организации Объединенных Наций, или главную ответственность Совета Безопасности за поддержание международного мира и безопасности.

СТАТЬЯ 8

Каждая договаривающаяся сторона заявляет, что ни одно из международных соглашений, имеющих в настоящее время силу, между нею и любой другой договаривающейся стороной или любым другим государством не находится в противоречии с положениями настоящего договора, и обязуется не принимать никакого международного обязательства, противоречащего настоящему договору.

СТАТЬЯ 9

Настоящим договаривающиеся стороны учреждают Совет, в котором будет представлена каждая из них, для рассмотрения вопросов, касающихся применения договора. Совет будет организован таким образом, чтобы иметь возможность собираться быстро и в любое время. Совет создаст такие вспомогательные органы, какие могут оказаться необходимыми, в частности, он немедлен-

но создаст комитет обороны, который будет рекомендовать меры, касающиеся применения статей 3 и 5.

СТАТЬЯ 10

Договаривающиеся стороны могут, по единодушному соглашению, пригласить присоединиться к договору любое другое европейское государство, которое в состоянии способствовать развитию принципов настоящего договора и содействовать безопасности североатлантического района. Любое приглашенное таким образом государство может стать стороной в договоре путем передачи на хранение правительству Соединенных Штатов Америки своего документа о присоединении. Правительство Соединенных Штатов Америки будет уведомлять каждую из договаривающихся сторон о сдаче на хранение каждого такого документа о присоединении.

СТАТЬЯ 11

Настоящий договор будет ратифицирован, и его положения будут применяться договаривающимися сторонами в соответствии с их конституционной процедурой. Ратификационные грамоты будут по возможности скорее сданы на хранение правительству Соединенных Штатов Америки, которое будет извещать все другие подписавшиеся государства о сдаче на хранение каждой ратификационной грамоты. Договор вступит в силу между государствами, ратифицировавшими его, как только ратификационные грамоты большинства подписавшихся государств, включая ратификационные грамоты Бельгии, Канады, Франции, Люксембурга, Нидерландов, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов будут сданы на хранение, и будет действительным для других подписавшихся госу-

дарств со дня сдачи на хранение их ратификационных грамот.

СТАТЬЯ 12

По истечении десятилетнего срока со дня вступления в силу договора или в любое последующее время договаривающиеся стороны будут, если любая из них этого потребует, совместно консультироваться с целью пересмотра договора, принимая во внимание факторы, влияющие в тот момент на мир и безопасность в североатлантическом районе, включая развитие как всеобщих, так и региональных соглашений, заключенных в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций для поддержания международного мира и безопасности.

СТАТЬЯ 13

По истечении двадцатилетнего срока со дня вступления в силу договора, любая договаривающаяся сторона может отказаться от участия в договоре через год после заявления о денонсации, направленного правительству Соединенных Штатов Америки, которое сообщит правительствам других договаривающихся сторон о депонировании каждого заявления о денонсации.

СТАТЬЯ 14

Настоящий договор, английский и французский тексты которого в равной степени аутентичны, будет сдан на хранение в архив правительства Соединенных Штатов Америки. Должным образом заверенные копии договора будут переданы этим правительством правительствам других подписавшихся государств.

В удостоверение чего нижеуказан-

(Окончание на стр. 14)

ВОЙНЫ ОДНОПОЛЧАН

Предлагаем вашему вниманию отрывки из результатов социологического исследования, посвященного проблеме неуставных отношений в Советской Армии. Основу публикации составляет серия интервью с бывшими солдатами, ныне — студентами МГУ.

Были опрошены 20 представителей разных национальностей, которые проходили срочную службу в разных родах войск и различных регионах нашей страны. Материалом для исследования послужили также интервью с офицерами и письма из редакционной почты газет и журналов. Полученная информация прорисовала сложившуюся в армии систему неуставных отношений, часто именуемых «дедовщиной». Слово это вошло в обиход как обозначение некоей системы организованного беспорядка, на основе которой функционируют сегодня Советские Вооруженные Силы.

Работа проведена социологом, кандидатом экономических наук Сергеем Белановским и членом СЖ СССР Светланой Марзеевой. В проведении интервью также участвовали студенты журфака МГУ Сергей Чапнин, Владимир Був, Татьяна Аксенова и Ольга Лысенко.

СИСТЕМА ОРГАНИЗОВАННОГО НАСИЛИЯ В СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Таких систем в нынешних Воору-

женных Силах можно выделить три. Одна из них — формальная, т.е. та, которая устанавливается «сверху». Уставная статусная система — это идеальный порядок, который должен существовать в армии. Две другие являются неформальными, исходят «снизу» и не предусмотрены Уставом. Это «дедовская» и «земляческая» структуры. Хотя обе они являются неуставными, это совершенно различные системы и по принципам функционирования, и по его результатам.

Все три системы могут находиться между собой в разных взаимоотношениях: конкурировать, конфликтовать и, как это ни парадоксально, дополнять друг друга.

От конкретной ситуации в социальной и политической жизни общества зависит какая из систем в армии выходит на первый план, оттесняя другие. Четыре-пять лет назад не было сколько-нибудь серьезных национальных конфликтов в обществе, и армейская «дедовская» структура носила доминирующий характер. Сейчас, когда межнациональная война приобрела глобальный характер, «земляческая» статусная система стала превалировать над «дедовской» и даже разрушать ее.

УСТАВНАЯ СТАТУСНАЯ СИСТЕМА

Уставной армейский порядок подразумевает пирамидальную структу-

ру функционирования всей армейской машины. Низшим звеном этой структуры является рядовой, высшим — министр обороны. Утрируя ситуацию, можно так нарисовать цепочку, по которой пройдет приказ, отданный, допустим, командиром части: зам. командира части — командир роты — командир взвода — командир (сержант) — рядовой. Уставная статусная система предполагает беспрекословное выполнение приказа, проходящего по этой цепочке. Для функционирования любой системы нужна база, на которой бы она основывалась, и стимулы, которые заставляли бы ее работать. Нельзя сказать, что такой базы и стимулов нет. Беда уставной статусной системы в том, что она основывается лишь на сознательности солдата, а стимулы для поддержания сознательности включают в себя неэффективные наказания и неэффективные поощрения (выговор, гауптвахта, наряд вне очереди, благодарность, увольнение вне очереди и т. п.), не подкрепленные экономически.

Ни одна статусная система в чистом виде в воинской части не функционирует. Можно говорить лишь о доминировании какой-либо из них...

«ДЕДОВСКАЯ» СТАТУСНАЯ СИСТЕМА

Длительное время считалось, что «дедовщина» разрушает структуру армии, разъедает воинские коллективы, а основная причина ее существования заключается в отсутствии контроля со стороны офицеров. Но если уставная статусная система будет реализована во всех воинских частях, то работать она не будет, ибо не имеет ни существенной базы, ни стимулов.

«Дедовская» статусная система — функциональное следствие невозмо-

жности реализовать уставной порядок в большинстве воинских частей.

Уставной порядок становится невозможным и в больших учебных подразделениях, так как снижается контроль со стороны сержантов и офицеров. Формальная статусная система разрушается в малых учебных частях при завершении обучения. Поэтому, не имея в арсенале других средств воздействия, сержанты используют кулак.

В некоторых случаях дедовская статусная система действует как подпорка для уставной. «Дедовщина» заполняет все дыры Устава. В этих случаях внешне она малозаметна для офицеров (они даже нарочно стараются не замечать ее) и проявляется лишь во взаимоотношениях между солдатами. Вместе с тем офицеры не могут игнорировать «дедовщину», если не хотят себе лишних неудобств, поэтому приспосабливаются к ней и стараются как-то использовать.

Что может случиться, если из-под Устава выбить подпорку «дедовского» порядка? В одном из интервью в ответ прозвучал встречный вопрос: «А техника на честном слове работать будет?» Действительно, никаких стимулов заставить солдат добросовестно относиться к своим обязанностям у офицеров нет. В том числе отсутствует главный стимул — экономический (солдат получает 7 рублей в месяц).

Прямое столкновение «дедовской» статусной системы с уставной происходит там, где начинается уголовный кодекс. Устав запрещает физическое насилие, «дедовщина» его предполагает. Без насилия «дедовская» система теряет всякий смысл. Физическое насилие используется в трех случаях: во-первых, в интересах армии (чтобы поддерживать технику в боевой готовности), во-вторых, в интересах личности «деда». В третьих, следует от-

метить, что всякая жизнеспособная система имеет склонность развиваться до абсурда. Так происходит и с «дедовщиной», которая доводит насилье до крайности и извращений: убийств, изнасилований, членовредительств, жесточайших избиений.

Победителем в столкновении двух систем выходит «дедовская».

«ЗЕМЛЯЧЕСКАЯ» (НАЦИОНАЛЬНАЯ) СТАТУСНАЯ СИСТЕМА

Наряду с рассмотренными, в армии функционирует и в последнее время усиливается еще одна статусная система — «земляческая». Существует два типа, «землячеств», которые зависят от национального состава части.

В национально-однородных воинских частях в группы объединяются люди, приехавшие из одного города, земляки. Их «землячества» обеспечивают своим членам психологическую поддержку. Максимум, на что способна такая группа — это перевести своего земляка в следующий статус несколько раньше срока. «Землячества» могут образовываться и по другим признакам, как-то: «городские», «деревенские», «студенты» и т. д.

Особый тип «землячеств» образуют жители Москвы и Ленинграда. Офицеры склонны использовать их для своих целей, как наиболее сообразительных, и это вызывает негативную реакцию у других солдат. Иногда офицеры могут провоцировать ту же реакцию, называя жителей столиц самыми плохими солдатами (они действительно могут лидировать по количеству нарушений; кроме того, они любят задумываться, насколько целесообразен полученный ими приказ, да еще и высказывать свои соображения на этот счет). Типично мнение одного из опрошенных:

«Сказать в армии о ком-то «москвич», значит признать, что человек никуда не годится». Слово «москвич» часто используется как ругательство.

В мононациональных частях (они бывают только славянскими с незначительными вкраплениями солдат других национальностей) «землячеств» может вообще не быть. Если же они есть, то не образуют консолидированных групп, способных противостоять порядку.

Ситуация с «землячествами» резко меняется в условиях многонациональной части. Здесь «землячества» внутри славян становятся незаметным явлением, а на первый план выступают «землячества», образованные по национальному признаку. Опрошенные неславяне упоминали, что членство в таком «землячестве» защищало их от «дедовщины». Это прежде всего представители Кавказа, Закавказья и Средней Азии. Хотя и те и другие стремятся в армии не работать, по стилю поведения они существенно отличаются.

Активное сопротивление проявляют кавказские народы. Причем это не сопротивление системе как таковой (внутри «землячеств» сохраняется неуставная иерархия), а скорее сопротивление равенству, и это им удается, так как они отличаются большой сплоченностью и агрессивностью. Кавказские «землячества» часто выходят за пределы части и образуют межполковые соединения. Для них характерны особо острые конфликты, иногда с криминальным исходом. Даже небольшая группа кавказцев способна терроризировать многочисленные группы из представителей других национальностей. «Летунов» среди них практически не бывает, даже когда они служат в изоляции от солдат своей национальности.

Если грузины, армяне, чеченцы,

осетины, абхазцы, азербайджанцы объединяются с целью своего господства, то среднеазиаты — прежде всего в целях собственной безопасности. Представители Средней Азии способны доминировать лишь в условиях своего численного авторитета, причем значительного. Они не склонны диктовать свои условия, но, оказавшись у власти, могут проявлять большую жесткость. Если кавказцы, чтобы добиться цели, используют свою агрессивность, то среднеазиаты демонстрируют сплоченность, незнание русского языка. Среди них, при равной численности, самыми угнетенными становятся узбеки, таджики и туркмены, что отчасти связано и с низким уровнем их образования.

Кроме того, что перечисленные национальности объединяются по территориально-национальному признаку, все вместе они объединяются против славян, хотя не всегда и не везде. Таким образом, самое крупное деление в армии идет на славян и неславян. Характерно, что славяне внутри своей группы проявляют больше жестокости, чем члены «землячеств» по отношению друг к другу. При этом они испытывают гнет и со стороны кавказских и среднеазиатских «землячеств», поскольку сами не группируются и защитить себя не могут. Во многих случаях «молодые» национального происхождения имеют право вести себя как «деды» по отношению к славянам, прослужившим и год, и больше.

Системы не могут функционировать изолированно друг от друга. Они взаимодействуют. Так, внутри кавказских и среднеазиатских «землячеств» в целом «дедовская» структура может не работать, но отдельные ее элементы все равно существуют.

В изоляции остаются евреи, молдоване, цыгане, полукровки, в некоторых случаях — прибалты. До послед-

него времени наличие прибалтов не внесло изменений в ситуацию. Данные о прибалтийских «землячествах» у нас очень скупы. Известно только, что эстонцы имеют склонность образовывать сплоченные «землячества», если их в части достаточно много, и сама часть находится на территории их республики. Такая же ситуация свойственна для латышей и литовцев. Прибалты не стремятся играть ведущую роль в части. Наши респонденты подчеркивали, что отношения прибалтов к другим национальным группам характеризуются не агрессивностью, а холодным презрением. Прибалтам также свойственны некоторая флегматичность и рассудительность.

В силу малочисленности прибалтов в большинстве частей отмечается их тяготение к контактам со славянами. Это объясняется не «душевным влечением», а тем, что славяне все-таки этнокультурно ближе прибалтам, чем группировки среднеазиатов и кавказцев.

По самым последним данным в частях резко ухудшилось отношение к прибалтам, особенно к литовцам, как со стороны среднеазиатов и кавказцев, так и со стороны славян. Это связано с процессами, происходящими в этих республиках.

Естественно, что существование «землячеств» в целом не способствует укреплению интернациональных чувств.

Наличие воинской части на территории республик Средней Азии и Кавказа, как правило, означает господство «землячества» представителей этой республики (они у себя дома). Обычно это «землячество» игнорирует отношение «дедовщины».

Во всех случаях «землячества» составляют конкуренцию «дедовской» статусной структуре. Существуют две крайности: когда «землячества» по-

глошают «дедовщину» полностью, то есть время службы не играет роли, переход из статуса в статус не происходит; и когда «землячества» растут в «дедовских» отношениях. Кроме того, национальная группировка может создать свою внутреннюю систему неуставных отношений, когда она достаточно сильна, чтобы оборонять себя, но недостаточно — чтобы притязать на господство.

«Земляческая» статусная структура на нынешнем этапе вступила в жесткую конкуренцию с «дедовской», и при этом «дедовская» структура начинает разрушаться. Это связано, во-первых, с ростом неславянских группировок в армии; во-вторых, с обострением национальных конфликтов в обществе. Кроме того, национальные меньшинства плохо интегрируются в армейскую структуру. В условиях армии насильственно смешиваются уклады жизни, языки, культуры, привычки, особенности народов нашей страны.

Результаты воздействия этих систем на армию существенно различны. «Дедовская» структура способствует поддержанию хотя бы минимальной боеспособности или не мешает этому. «Земляческая» же ломает «дедовскую» систему, одновременно разъедая боеспособность. Армия, где доминирует «земляческая» система, не просто небоеспособна, она социально опасна. Если такая взрывоопасная часть находится на славянской территории, конфликт может быть локальным. В национальной республике последствия становятся непредсказуемыми.

Скорее всего эти явления имеют место со сравнительно недавнего времени. До конца шестидесятых годов Советская Армия была, по преимуществу, славянской. Крупное вкрапление среднеазиатов в армейские структуры произошло по демографи-

ческим причинам (у славян наблюдался упадок рождаемости, кроме того, они больше других наций пострадали в результате войны). Этот фактор стал заметен на рубеже 70-х и 80-х годов. Удельный вес неславянских народов стал очень значительным, и эта тенденция продолжает возрастать. Уже в последние годы, начиная с событий в Нагорном Карабахе, в армию автоматически перешли конфликты, происходящие в национальных республиках: межнациональные драки в казармах, даже убийства.

По имеющимся у нас отрывочным данным, в смешанных частях национальные отношения уже преобладают над «дедовскими». Крупные «землячества» решают проблему власти с помощью массовых избиений друг друга, причем драки за господство становятся все более жесткими. Можно предсказать, что в ближайшее время эти конфликты приобретут кровавый характер. Для завтрашней армии национальная проблема станет проблемой номер один. При возникновении волнений на социальной и этнической почве воинские части из стабилизирующей силы могут превратиться в очаги еще больших беспорядков, связанных, к тому же, с применением огнестрельного оружия.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ДЛЯ МИНИСТРОВ

Когда в казарму запирают большое количество мужчин и при этом изолируют их от внешнего мира, многие негативные явления, о которых говорилось выше, становятся неизбежными и даже закономерными. Наиболее простым выходом здесь могло бы быть формирование воинских частей по территориальному признаку, что с успехом практикуется

в ряде стран, где солдаты ходят на службу как на работу и имеют выходной день.

Предстоит серьезно подумать и об откaze от всеобщей воинской повинности в мирное время и, возможно, о переходе к профессиональной армии. На сессии Верховного Совета СССР министр обороны Д. Язов не согласился с этим предложением, мотивируя это тем, что страна наша слишком бедна для содержания армии на платных и добровольных началах. Это веское возражение, и мы как исследователи не претендуем на то, чтобы последнее слово в этой полемике осталось за нами, и все же позволим себе усомниться, что кто-то делал подобные подсчеты.

Предположим, что численность нашей армии — три миллиона. Сократим ее втрое, получится один миллион. При этом образуются две дополнительные статьи расхода, одна из них — зарплата. Если в среднем она будет равна 300 рублям, это составит 3,5 миллиарда в год. Наш розничный товарооборот равен 403 миллиардам в год, то есть это примерно один процент от розничного товарооборота. Вторая статья расхода — создание условий для службы. Компенсируем это деньгами — вдвое увеличим зарплату. Получим 600 рублей и, соответственно, два процента. Сумма большая, но допустимая. Минус средства, которые тратятся на содержание лишних двух миллионов. Это самые грубые подсчеты, но других повторяем, никто не делал.

Кроме того, действительно ли является дешевой наша нынешняя армия?

Военнослужащие в СССР составляют около трех процентов общей численности занятых в народном хозяйстве. О бессмысленности труда большинства из них мы уже говорили. Если высвободится два миллиона

трудоспособной молодежи наша трудodefицитная промышленность легко вберет в себя эту рабочую силу. Это сразу даст прирост промышленной продукции на пять процентов, что с лихвой окупит расходы на армию. Нынешние же неоправданно большие скопления молодежи, которая вынуждена бездельничать — это растрата трудового потенциала страны.

Сегодня наши Вооруженные Силы приносят нам колоссальные убытки. Так во что же обходится стране варварское обращение с техникой и имуществом, напрасный труд солдат, их болезни, приобретаемые ими асоциальные навыки? Эффективна ли такая армия с точки зрения обороны страны? **Настолько ли мы богаты, чтобы содержать такую «дешевую» армию?**

На эти вопросы в обозримом будущем предстоит дать ответ не только маршалу Язову, но и высшему законодательному органу страны. Думается, что при принятии решения должно учитываться мнение не только Министерства обороны, но и независимых от этого ведомства исследователей и экспертов. В настоящее время уже осознано, что в аппарате ведомств сложился механизм многослойного искажения информации, поэтому ведомственным данным доверять нельзя. В связи с этим наша небольшая исследовательская группа продолжает изучение поставленных выше вопросов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ДЛЯ СОЛДАТ

По нашим прогнозам в ближайшие годы изменений в Вооруженных Силах не предвидится. Как в этих условиях вам сохранить себя?

Существует несколько стереотипов поведения солдата в ситуациях наси-

лия: отказ производить какие-либо действия, согласие, — и согласие после отказа (в результате насилия). Практически, от вас требуют выбора между полным согласием и полным отказом. Все будет целиком зависеть от особенностей вашей личности, скрыть которые в ситуациях «пограничного выбора» (они присутствуют в жизни солдата почти постоянно) практически невозможно. Физическая сила не играет тут решающей роли, так как немного найдется тех, кто в драке выстоит один против всех.

«Дедовщина» — очень гибкая система. «Это — как погода, которая все время меняется», — сказал один из опрошенных. Не существует таких моделей поведения, к каким не могла бы приспособиться «дедовщина». Поэтому надо стремиться к тому, чтобы ваши поступки были непрогнозируемы. Если вы нарушите стереотип неожиданной реакцией, вы играете первое сражение за свою честь. При этом вы должны помнить, что и ответ может быть непредсказуемым.

Ваши реакции должны быть основаны на убежденности в том, что любые посягательства на честь — и не только вашу — должны быть наказа-

ны. Здесь не стоит заботиться о балансе соответствия ваших действий действиям того, кто добивается власти над вами — вас «немножко» ударили и вы «немножко» ответили. Реакция должна сразу быть максимальной. Забудьте все правила и нормы, принятые в гражданской жизни. Не смотрите, как ведут себя другие.

Разумеется, это требует мужества. Если поступать с опасением — как бы чего не вышло — результат будет прямо противоположным: вас жестоко смнут.

Мы сознательно придерживаемся самых общих рекомендаций. Но и они едва ли помогут, если вы не примете их внутренне, если ваши знания не изменят вашей сути. Человек не становится смелым от того, что прочтет, что нужно быть смелым. Готовьте себя к тому, что вам нужно самому пройти свое испытание, и о некоторых ваших собственных чертах характера вы узнаете только там. «Дедовщину» можно назвать эквивалентом инициации — принятом в древних племенах обряде посвящения в мужчины. Наши советы в конечном итоге сводятся к тому же — надо быть мужчиной.

Научить этому невозможно.

Социал-демократия и перемены в Европе

Юрий АФАНАСЬЕВ

1.

Я не буду задерживаться на причинах, обусловивших развал коммунистического тоталитаризма — неожиданно быстрый даже для большинства из тех, кто его предвидел. Но, отмечая сам факт краха так называемой «социалистической системы», необходимо представить, что же из традиционных — для европейских левых сил — ценностей ушло из жизни вместе с этой системой. И что вообще уцелело на сегодня от социалистической идеи как основы для самого существования социал-демократии.

Большинством политиков и специалистов по социальным наукам крушение коммунистических режимов отождествляется с несостоятельностью большевистской, ленинской модели марксизма.

Разумеется, было бы соблазнительно отнести Октябрь 1917-го и все, что за ним последовало, к извращению социалистической идеи и на этом основании еще раз подчеркнуть глубокое различие коммунистической и социалистической традиций. Такой подход можно отнести к числу вполне обоснованных. Но слишком многое из состава Октября и из большевистского эксперимента в целом восходит к европейской социалистической тра-

диции, и еще дальше — к Просвещению и якобинству.

1989 год можно считать в связи с этим годом двойного юбилея: 200-летия Французской революции и завершения более чем 200-летней политической истории революционаризма. Видимо, не случайно, что этот сдвоенный юбилей был отмечен мощным фейерверком «контрреволюционных революций» в Восточной Европе.

Политическая культура революционаризма основывалась на вере в то, что человеческий разум способен не только разработать идею совершенного, справедливого общественного устройства, где все будет разумно и целесообразно, но и реализовывать ее в ходе целенаправленного социального строительства. Общество строилось так же, как строят дом или завод. Этой культуре было свойственно и представление, что переход от одного общества к другому — как условие возрождения личности — может и должен быть осуществлен кратко, путем насильственного захвата власти. Если считать идею пролетарской революции душой учения Маркса, всей его коммунистической теории, то, полагаю, вполне корректно в продолжение нашей темы говорить и о «конце коммунизма», и о «конце марксизма» (хотя, конечно,

не Маркса как ученого).

С крушением коммунистических режимов в Восточной и Центральной Европе, а также с провалом перестройки по Горбачеву в СССР пришлось распрощаться не только с идеей революционности как таковой, не только со многими идеями Октября в чистом, первоизданном их виде, но и с надеждой на возможность улучшения этих идей, которая породила такие понятия, как «социализм с человеческим лицом», «демократический, гуманный социализм», «освобождение здоровой основы социализма от деформаций» и пр. Все известные всплески ревизионизма в Европе — от Гароди до Гомулки и Дубчека — показали тщетность попыток реанимировать социалистическую идею и, если воспользоваться любимым выражением М. Горбачева, «придать социализму второе дыхание». И в этом смысле рушатся сами основы революционного мессианизма европейской левой, который двести лет удерживался на двух опорах: на идее прогресса (за капитализмом следует коммунизм, и в этом смысл истории) и на надежде преодолеть порочный капитализм совершенным обществом, в котором труженики будут «освобождены» от рыночной экономики.

Словом, сама идея «третьего пути», как магистральная для всей социал-демократии, мыслится с трудом после всех этих событий.

2.

Означает ли, однако, «смерть коммунизма» конец социалистической идеи? Полагаю, что ответить на этот вопрос однозначно невозможно, хотя бы по таким двум причинам. Во-первых, Маркс стоял у истоков всех современных течений, именующих себя социалистическими: от ультра-

революционных левых (маоисты, «городские партизаны» Маркузе) до «научного социализма» (коммунизма) и от нацизма до реформистской социал-демократии. В существенной части, политэкономическое наследие Маркса не только получило развитие в экономических программах социал-демократов, но и интенсивно используется в новейших разработках политических антиподов социализма — adeptов современного консерватизма.

Маркс-обществовед парадоксально не исчерпал своего влияния на человечество (генетическая связь современных интерпретаций социалистической идеи и учения Маркса по-прежнему объективный и неизбежный факт). Но в то же время Маркс — прежде всего революционер; и конец пресловутого «призрака коммунизма» несет также гибель социализма — хотя бы как родового определения. «Научный социализм» — синоним коммунизма, во всяком случае, уже агонизирует.

Во-вторых, современную нам действительность уже невозможно представить на основе дилеммы «капитализм — социализм».

Человечество все дальше уходит от того состояния, которое можно было характеризовать с помощью угрожающе политизированных понятий, предполагающих неразрешимые противоречия, имманентные социальным макроструктурам. В самом деле, что остается от капитализма в классическом, до- и послемарксовом, его понимании в современном обществе, где все больше выравнивается внимание ко всем трем важнейшим составляющим экономического развития — труду, капиталу и природной среде? И что остается от социализма в этом же обществе, отказывающемся от уравнительного распределения, всеобщего центрального планирования и принимающем ценности демократии и рыночного хозяйства?

Смысл «конвергенции» мы уже не можем трактовать как развитие по сходящимся западного либерализма и этатического социализма. Этот последний, как мертворожденное образование, ни с чем живым конвергироваться не может. Капитализм и социализм, в качестве иносказаний свободного предпринимательства и эмансипированной личности — это не рядом положенные и не генетически связанные сущности. Это двуединая роковая судьба, изнутри раздирающая человека и общество.

Маркс, а вслед за ним и целая когорта социалистов, полагали возможным разъединить эту двуединую судьбу путем уничтожения капитализма. Воплощение этого замысла обернулось сокрушительным крушением коммунистических режимов, потрясающей трагедией для всего человечества, но какая бы судьба ни постигла социализм как систему взглядов и как печальную социальную практику, уйдет или нет из повседневной лексики этот термин, в определенных сущностных чертах социалистическая идея будет служить человечеству до его смерти (если оно смертно).

Маркс был, конечно же, весьма далек от научной фантастики, когда разрабатывал свою социальную теорию. А в проповеди защиты «малых сих» он не был даже и оригинален: идею общества без богатых и бедных встречается, по крайней мере, уже в Библии и Коране.

Вполне обоснованным можно считать и то, что строить «светлое будущее» Маркс полагал неизбежным отнюдь не в соответствии с Нагорной проповедью. Гуманисты европейского Возрождения провозгласили равенство человека и Бога, безграничие возможностей человеческого ума и начали создавать новые модели «идеальных», «разумных» обществ. А

тем временем, первоначальное накопление капитала и промышленная революция породили новый, чрезвычайно массовый и острый вид антагонизма — между промышленным пролетариатом и буржуазией. Не удивительно, что часть «диссидентов» из просвещенных слоев, наблюдавшая безжалостные социальные конфликты не где-то на колониальной периферии, а в центральных районах европейской цивилизации, не представляла в середине XIX века создание «идеального» общества иначе как через посредство классовой борьбы на уничтожение. Философской основой коммунистических построений Маркса и Энгельса стала гегелевская концепция развития через «снятие» (aufhebung) противоречий. При таком подходе и, исходя из суммы накопленных к тому времени человечеством знаний, нетрудно было представить, что «история всех существовавших до сих пор обществ была историей борьбы классов», а потом экстраполировать тенденцию:

«Весь мир насилья мы разрушим
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир построим...»

По сей день на планете не изжиты гримасы «звериного оскала капитализма», то есть те причины, которые объективно формировали марксов революционизм. Назову здесь только серьезнейшее противостояние Север-Юг. Следствием его является прогрессирующая нищета ряда стран Азии, Африки и Латинской Америки. Она порождает и подпитывает все новые виды революционного марксизма.

Тем не менее, повторяю, в глобальном масштабе принципиальная победа идей демократии и рыночного

хозяйства — налицо. Окончательная победа, видимо, только вопрос времени.

Цивилизованный мир ушел вперед от гегелевского *aufhebend*, усвоив боровский принцип комплиментарности, «новое мышление» Рассела-Эйнштейна. В социальной практике классовая борьба на уничтожение уступила место деловому партнерству, поиску и достижению компромисса. «Опыт показал, — писал в начале XX века марксист Бернштейн, — что чем дальше существовали в современном государстве демократические учреждения, тем больше признавались и уважались права меньшинства, а партийная борьба становилась все менее ожесточенной».

Социал-демократия в этих условиях все дальше уходит от защиты классовых интересов только промышленного пролетариата. Она все шире представляет взгляды лиц наемного труда и прежде всего взгляды средних классов, а также лиц, стоящих в нижней части лестницы доходов. Социал-демократия, пытаясь выражать интересы гражданского общества в целом, все больше наполняется общечеловеческим содержа-

нием, отбрасывая революционную, неотделимую от насилия, составляющую марксизма наследия и развивая гуманистическую. Партия революции, наконец, действительно стала партией реформ.

Мне представляется, что история человечества и его будущее определяются отнюдь не только — и даже не в первую очередь — борьбой классов или партий: опыт «реального социализма» показал, в частности, полную необоснованность марксистского тезиса о приоритете классовых интересов по отношению к национальным. Развитие цивилизации, по моему мнению, определяется диалектическим взаимодействием двух важнейших факторов, которое неплохо описывается формулой: «Свобода сильному, защищенность слабому». И именно во второй части этой формулы я вижу место социалистической идеи, социал-демократического движения. Оно представляется мне важнейшим средством обеспечения баланса в огромном океане конфликтов интересов, средством сохранения либерального плюрализма в экономике, политике, культуре.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОЗАБОЧЕННОСТЬ

Григорий ПОМЕРАНЦ

Есть такой термин — сексуальная озабоченность. Говорят еще об алкогольной озабоченности. Но навязчивой идеей может стать и национальная озабоченность. Это тоже своего рода болезнь. И в какой-то миг вяло текущая озабоченность становится бурной, маниакальной, и национальный маньяк ведет себя, как сексуальный маньяк, как алкоголик в белой горячке, — насилует, убивает.

Внешние формы озабоченностей иногда совпадают. Я запомнил слова одного молодого азербайджанца по телевизору. Он говорил, что отдать Карабах Армении — все равно, что отдать на поругание честь сестры или матери. Я очень удивился. Независимость Индии не кажется мне порухой английской чести. Или независимость Польши — русской чести. Впрочем, так ли это чувствовали белые, сражавшиеся за единую и неделимую Россию? И на какие слои подосознания рассчитана метафора: «мать-Родина»?

При взгляде со стороны национальная озабоченность выглядит нелепо, иногда просто смешно. Но озабоченный человек этого не замечает. Он слишком озабочен.

Какой-то израильтянин забеспокоился, что масса русских родственников, завезенных в Израиль, испортит еврейскую ментальность. Он не чувствует, что цифра в семь миллионов возможных родственников вызы-

вает улыбку. Рассказ об этом анекдоте позволил мне понять психологию 74 авторов письма в «Литературную Россию», забеспокоившихся — не об утечке умов, нет! — но о том, что некоторые оставшиеся умы могут повредить их ментальность.

Все было бы смешно, когда бы не было так грустно. Потому что однажды национально озабоченный человек вдруг берет автомат и начинает палить в живых «бациллоносителей», вызвавших его заботу. И если «Памяти» пока не удалось совсем разгуляться, то не по ее собственной добродетели. Зато разгулялась озабоченность в Закавказье и в Средней Азии. Люди, сеющие ветер против евреев, не замечают, что национальная озабоченность заразительна и в национальных республиках, она все больше обрушивается на русских. Буря грозит сорвать с места миллионы русскоязычного населения.

Национальные маньяки, мстители за свою поруганную национальную честь, временами ведут себя, как сексуальные маньяки: «Сначала перевернули стол, отца и мать привязали рядом к столу, потом раздели и изнасиловали двух старших сестер, потом отрезали им груди и, еще живых, били ногами, а груди раскрошили ножом на мелкие куски и всовывали куски в рот отцу и матери, и они не могли кричать и только тихо хрипе-

ли, потом отцу разбивали камнями голову, и на глаза и лоб отца текли мозги, а мать умерла от того, что не теряла сознания и все это видела». Это из книги Армена Зурабова «Тетрадь для домашних занятий», М., 1989 г., рассказ мальчика, сошедшего с ума во время погрома. Факт взят из хроники событий 1896 года в Турции. Но бывало такое и на Украине.

Покойная Раиса Борисовна Лерт рассказывала мне, как в 1919 году в Киеве, в соседнем доме, казаки привязали родителей к креслам и у них на глазах изнасиловали двух девочек-гимназисток. Правда — не истоптали и не зарезали. Все-таки армия Врангеля. А если бы не дворяне-офицеры — и дальше бы могли пойти, по всей турецкой программе. Гайдамаки, взяв Умань, вырезали младенцев из чрева беременных и зашивали туда живых кошек. Гонга, один из вождей гайдамаков, свяченным ножом зарезал собственных детей, рожденных от брака с полькой: я тебя породил, я тебя и убью. Не надо удивляться тем из азербайджанцев, кто назвал национальными героями погромщиков Сумгаита. Еще поэму об этом напишут — ведь написал же Тарас Шевченко своих «Гайдамаков»! Правда, в поэме некоторые черты эпического «подвига» исчезают; но имена Гонты и Железняка овеяны национальной славой.

...Я помню два описанных в литературе случая, когда национальная озабоченность появилась у русских, попавших в лагерь за вольнодумство и вдруг столкнувшись с ненавистью к своему народу. Ненависть была — к империи; не будет империи, и ненависть исчезнет, как у итальянцев к австрийцам. Но вытерпеть ненависть трудно; легче решить — буду всегда за русских, правы они или неправы.

Во многих случаях это вопрос не только душевного смирения, душе-

вной способности понять и пережить волну ненависти так, как заповедано в Евангелии — и погасить ее в себе, не дать согласия на ссору. Возникают угрозы благополучию, имуществу, жизни. Миллионы русских, привыкших чувствовать себя хозяевами, вдруг оказались метеками (неполноправными чужестранцами) в «союзных республиках». И это еще не худшее — на Востоке резня. Я видел беженку из Душанбе. Она говорила: лучше любая диктатура...

Есть, однако, еще одна причина русской национальной озабоченности: угроза духовному равновесию. Это болезнь людей задумавшихся — и неспособных вынести чувство вины за положение, в котором оказалась Россия. Хочется спихнуть прошедшие 70 лет на какого-то чужака. В Грузии валят на русских; а в России на кого свалить?

На инородцев. На иностранцев (военнопленные, оказавшиеся под рукой, приняли участие в гражданской войне). На Запад, заваливший Россию своими идеями (которым сам коварно не следовал). На сионских мудрецов. На жидамасонов...

Эта психическая потребность так велика, что даже образованные люди начинают верить в миф о власти инородцев над Россией. И ради этого утешительного призрака жертвуют своими жизненными интересами. Поэтому что ксенофобия заразительна. Это — степной пожар. Вы зажигаете степь, когда ветер несет огонь на воображаемого супостата. Но назавтра ветер повернулся и горит ваш собственный дом, и бегут русские из Баку, из Душанбе, из Тувы...

На этой стадии развития болезнь обнаруживает себя тремя симптомами: 1) мы меньше всех виноваты; 2) мы больше всех страдали; 3) тот, кто с этим не согласен, — не русский. К сожалению, все три симптома мо-

жно обнаружить и у такого крупного человека, как А. И. Солженицын. Я очень облегчил бы себе задачу, цитируя В. И. Белова, В. В. Жинова и т. п. Но я говорю не о политике, а о болезни национального духа. И придется цитировать истинное воплощение этого духа:

1. В русской истории «поддерживается такая направленность злодеяний: в массовом виде и преимущественно мы причиняли их не вовне, а внутри, не другим, а своим же, самим себе» («Из-под глыб», Париж, 1974, с. 126). В «массовом виде» злодеяния против малых народов становятся исчезающе малы; подумай — масса, 500 000 крымских татар. Во время одного великого русского или украинского голода вымерло в несколько раз больше (правда, в Китае — еще больше). Кроме того, «татарское иго над Россией навсегда ослабляет наши возможные вины перед осколками Орды» (там же, с. 141).*

2. «Я хочу напомнить А. Д.**, что «ужасы гражданской войны» далеко не «в равной степени» ударили по всем нациям, а именно по русской и украинской главным образом. Это в их теле бушевала революция и сознательно направленный большевистский террор; большинство нынешних республик было в отпавшем состоянии, а остальные малые народы до поры щадились и поддерживались по тактике коммунизма, использовались против главного массива. Под видом уничтожения дворянства, духовенства и купечества уничтожались больше всего русские и украинцы; это их де-

ревни более всего испытали разорение и террор от продотрядов (большею частью инородных по составу). Это на их территории было подавлено более 100 крестьянских восстаний, в том числе обширное Тамбовское и Сибирское. Это они умирали в великие искусственные большевистские голоды 1921 на Волге и 1931—32 на Украине. Это в основном их загнали толпою в 10—15 миллионов умирать в тайгу под видом «раскулачивания» (как и сейчас нет деревни беднее русской)...» («Континент», 1975, № 2, с. 357).

3. В статье Горского в «Вестнике РХД», поставившего вопрос о национальном покаянии России за большевизм, чужеродность ощущается даже «и в языке, вовсе не русском» («Из-под глыб», с. 131).

Все три примера (и несколько других) я подробно разобрал в своем «Сне о справедливом возмездии», который публиковался дважды: в журнале «Синтаксис», в начале 80-х (с некоторыми произвольными сокращениями) и в составе моей книги «Сны Земли», Париж, 1985 (дата 1984 не соответствует фактическому выходу). Александр Исаевич ответил в статье «Наши плюралисты» («Вестник РХД» № 137); я, в свою очередь, ответил статьей «Стиль полемики» (тот же «Вестник», номера не помню) и в эссе «Проблема Воланда» (в «Гласности», номера не помню). Реферировать весь этот спор в целом нет никакого смысла: надо опубликовать относящиеся к делу тексты. Однако сегодня болезнь, начавшаяся в конце 60-х годов, приняла такие размеры, что анализ ее необходим срочно, и никакой этикет, никакое уважение к величии и заслугам не может удерживать критику. Игорь Шафаревич прямо указывал, что Солженицын с ним солидарен, и только прямой разговор может выяснить, до какой сте-

* Отвечая на критику, А. И. Солженицын сослался на страницы о репрессиях против татар в Архипелаге. Но что это доказывает? То, что болезнь началась после «Архипелага»? И не только у А. И. Солженицына: он выразил то, что нарастало в обществе.

** Андрею Дмитриевичу Сахарову. Речь идет о его письме, недавно перепечатанном в «Знамени», 1990 г., № 3.

пени доходит эта солидарность.

Хочется спорить с классиком еще и потому, что он остается на порядок выше своих вульгаризаторов.

Солженицын никогда не утверждал, что жидомасоны правят современной Россией. У него вовсе нет маниакальной заикленности на евреях: разговор всегда идет о проблеме инородцев в целом. И поэтому с Солженицыным можно спорить (хотя и трудно, в чем я не раз убеждался за 23 года нашей полемики).

Для плодотворного спора нужна какая-то общая почва, и здесь она есть: согласие в верности фактам, со-

гласие в некоторых общих принципах. И можно опираться на принципы, которые Солженицын признает, и призвать его поправить самого себя так, как это сделал Достоевский в Пушкинской речи, и быть последовательно верным лучшему в самом себе. Вопреки мнению Н. Струве, стыдно спорить всерьез с невежеством и пошлостью, а спор с достойным человеком — это достойный спор.

Опубликованный ниже отрывок из «Сна о справедливом возмездии» (1978 г.) дает, по крайней мере, представление о предлагаемом мною тоне этого необходимого спора.

СОН О СПРАВЕДЛИВОМ ВОЗМЕЗДИИ

(МОЙ ЗАТЯНУВШИЙСЯ СПОР)

1. ПОНЕВОЛЕ КОРОТКАЯ

Статья А. И. Солженицына «Образованщина» заново поставила передо мной вопрос о полемических приемах великого писателя, тему, впервые взволновавшую меня еще в 1967 году, при чтении романа «В круге первом». У нас старый спор — философский, социологический, исторический, — начатый с беглых замечаний в «Квадрильоне» (1963) и продолженный более энергично в «Человеке воздуха».

Мои общие взгляды на интеллигенцию и народ с тех пор мало изменились. Я согласен с замечанием Александра Исаевича (в «Теленке»), что 80 процентов так называемой интеллигенции — «образованщина». Слово я употребил бы другое (очень уж его слово напоминает недавнее: поповщина, чубаровщина, стеновщина). Но

по сути — не знаю, как считать, по какому принципу исчислять проценты... Может быть, даже не 80, а 90—95 процентов — профессионалы умственного труда, чиновники педагогического, медицинского, научного ведомства, без «тоски по мировой культуре» (Мандельштам), без нравственной чуткости и несколько даже болезненной неспособности делать свою житейскую карьеру. Настоящие врачи, настоящие учителя, художники, ученые существуют на задворках чиновничьего общества и в процентном отношении составляют совершенно ничтожную его часть; существуют с мучительными компромиссами, с трудом принося минимальную дань вежливости общественным условностям; но они все-таки существуют. Что же до несогласия с некоторыми идеями Александра Исаевича, то разномыслие — не основание

для ссылки в «образованщину». Во всяком случае — для человека, который отказывается от традиций социал-демократических междоусобиц, пестревших обвинениями в мелкобуржуазной неустойчивости и в объективном пособничестве классовому врагу. На глубине глубин истина едина; и даже едина с добром и красотой и всеми другими ценностями. Но это не значит, что истина может быть однозначно высказана словом; это не значит, что существует только одна оппозиция; Солженицынская Правда — Казенная Ложь, и всякое несогласие с Александром Исаевичем в конечном счете сводится к казенной лжи.

Каков бы ни был в светлом будущем государственный строй России, царство духа — республика; интеллигенция никогда не станет ротой, шагающей в ногу.

Пусть личность не больше,
чем глаз муравья,

Но личность есть личность!

Так думаю я.

Так мы думаем вместе со словом Хортоном (из сказки доктора Сьюза).

Если когда-нибудь воссияет Истина (хотя бы и в той форме, в которой ее исповедует А. И. Солженицын), образованщина, интеллигенция 4-го сорта, ракитины — будут кричать «ура!» (они всю дорогу кричат «ура» победителю). А какой-нибудь еретик Карамазов непременно выступит со своим особым мнением и испортит торжество. Такой уж у него скверный характер. Даже один призрак победы заставляет его тревожиться вместе с Абрамом Терцем:

«Здесь, на этом месте, литературе следует быть настороже и не поддаваться обаянию с чувством, со всей правдивостью произнесенного слова... Мы оказываемся перед кровавой дилеммой: с кем вы, мастера культу-

ры? За правду или за казенную ложь? При такой постановке вопроса у писателя, понятно, нет выбора, и он гордо отвечает: «За правду!» Но, возглашая «за правду», нужно помнить что сказал Сталин... («Пишите правду — это и будет социалистический реализм»).

Дошло до того, что правды надо бояться. Чтобы она опять не села нам на шею... В противном случае всеобещающая, освобождающая словесность опять сведется к отчету о том, как мы мучились и что предлагаем взамен. Сведется к вопросам «что делать?» и «кто виноват?» И все пойдет прахом, и начнется все сначала: «освободительное движение», «натуральная школа», «передвижники» и, как естественный венец, «партийная организация и партийная литература...»

Солженицын, великолепный полемист, выхватил из контекста «Литературного процесса» четыре слова: «Россия-Мать, Россия-Сука!» — и этими четырьмя словами, как цензорским крестом, перечеркнул все мысли, которые трудно было опровергнуть. Но я продолжаю спор, и это мой спор за республику идей, против самодержавия правды. «Литературный процесс» подхватывает многие идеи «Человека ниоткуда» (хотя, может быть, и не прочитанного). Я, в свою очередь, готов подхватить основную тему «Литературного процесса» и повторить то, что сказал когда-то Нильс Бор: бывают истины ясные и истины глубокие. Ясной истине противостоит ложь, глубокой — другая истина, тоже глубокая. Есть огромная область, где веками противостоят друг другу равно глубокие истины. И как раз эта область — королевский домен интеллигенции. Слишком большая захваченность борьбой за ясные истины сужает почву, на которой могут укорениться

истины глубокие. Ты мне ври, да ври по-своему, и я тебя поцелую, — говорил на заре русской интеллигенции пьяный Разумихин. Соврать — по своему — это лучше, чем правда по-одному, по-чужому. Правда не уйдет, а жизнь заколотить можно. Примеры были...

2. ДВЕ ФИЛОСОФИИ ЗЛА

То, что меня сталкивает с Александром Исаевичем, нельзя свести к недоразумениям, к непониманию друг друга. Скорее это разное понимание зла, сосредоточенность на разных сторонах зла. Александра Исаевича увлекает задача борьбы с возмужавшим, окрепшим злом. Я смотрю на такое зло глазами Лао-цзы: твердое, крепкое — завтра будет мертвым. Мне страшно другое: младенчество зла, первый поворот добра к злу, первые его робкие, прелестно нетвердые шажки. Розовые пальчики, которые завтра сожмут топор. Сдвиг в душе змеборца, начало остервенения, из которого вырастает новый змей.

Я убежден (вместе с Плотиним и Августином), что в глубине бытия зла просто нет. Есть только цельный, непорочный свет без всякой тени. Но в пространстве и времени нельзя осветить все сразу. Что-то всегда будет в тени. Борьбаться за добро — значит по возможности поворачивать вещи к свету. В некоторых случаях можно срубить дерево, которое заслоняет окно, или снести старое здание и т. п. Человек, живущий за глухой стеной, может рассматривать ее как абсолютное зло и разрушение ее — как безусловное торжество добра. Примерно так Солженицын смотрит на коммунизм: «Вот концентрируется Мировое Зло огромной ненависти и силы. Оно растекается по земле, и

надо стать против него» (Речь в Вашингтоне 30 июня 1975 года).

Если Мировое Зло — риторическая фигура, то ладно.

Но если концепция, то всякое противодействие абсолютному, мировому злу есть благо. В том числе Гитлер? В том числе резня 1965 года, остановившая распространение коммунизма в Индонезии?

Концепция Мирового Зла предполагает единство зла в синхронном (геополитическом) плане и стабильность в плане диахронном (историческом). Опыт этого не подтверждает. Мао Цзэдун, Брежнев и Дубчек вовсе не прикидывались, что у них есть разногласия. Они действительно во многом не согласны, и я не думаю, что Прага в январе-августе 1968 года была просто разновидностью Мирового Зла, а ввод в Прагу русских танков — отчасти даже благо, прекратившее явный соблазн и дьявольскую прелесть.

Пути борьбы со злом неисповедимы. Пламенный диссидент Кастро, в одиночку выступивший против всемогущего диктатора, сам стал диктатором. Его товарищ, Че Гевара, предпочел умереть. Брам Фишер порвал со своим народом и вступил в компартию, потому что только она практически нарушала апартеид. Потом уже, став коммунистом, он изучил теорию марксизма-ленинизма. Выбор был сделан без теории, одним сердцем. Для Фишера было важно, против чего коммунисты, и не где-то, а в его родной стране. Остальное было приложением к этому «против». Фишер был осужден на пожизненное заключение и умер мучеником идеи, совпавшей (в это время, в этом месте) с нравственным порывом его нетерпеливого сердца.

Победа Франко в 1939 году была победой мирового фашизма, т. е. одной из разновидностей зла, остерве-

нения. И вот здесь для меня возникает вопрос, который, вероятно, покажется Александру Исаевичу нелепым: если возможна эволюция от раннего, агрессивного франкизма к сравнительно мягкой «бархатной» диктатуре позднего Фрако, то (кто знает!) возможен и бархатный коммунизм?

Тут в меня летят мысленные груды тухлых яиц. Очень многие неофиты православия выходят из себя, как только речь заходит о чешской весне. Им как-то лично, небескорыстно хочется, чтобы она необходимо увяла. Видимо, марксизм или коммунизм столь грубо отождествляется с антихристом, что всякая мысль об эволюции коммунистического режима к лучшему рассматривается как недопустимый скандал. Между тем, Римская империя (вавилонская блудница Апокалипсиса) не развалилась от того, что люди прочли Евангелие, а слилась с христианством (или, по крайней мере, с христианской церковью). С точки зрения «Письма вождям», сосуществование православия с некоторыми политическими традициями большевизма (в данном случае признаваемыми русскими) вполне возможно. Но если мыслим православный большевизм (сапоги всмятку), то, может быть, где-нибудь при другом климате, мыслим и либеральный коммунизм? Согласен, опять сапоги всмятку, или вкрутую, чушь, чепуха. Но мало ли какая чепуха бывает на свете! Я не знаю, возможно ли это, но мне бы это понравилось.

Я ничего не утверждаю на будущее. Я только соглашаюсь с Александром Исаевичем, что «разделительная линия» между добром и злом «пересекает нации, пересекает партии» — и не соглашаюсь с другим утверждением на той же странице той же статьи: «раскаившиеся политические партии мы так же часто встре-

чаем в истории, как тигро-голубей... Партии, видимо, — вполне бесчеловечные образования, сама цель их существования запрещает им каяться» («Из-под глыб», стр. 118). Мне кажется, что чешские коммунисты в 1968 году были охвачены духом покаяния более полно, более единодушно, чем западные немцы; и это тем более ценно, что произошло до оккупации.

Где-то в большом, сложном, запутанном мире коммунисты так же вдохновляются борьбой со злом, как антикоммунисты. И антикоммунисты так же стервенеют, так же сатапеют от своего антикоммунизма, как коммунисты — от своего антиимпериализма, антифашизма и т.п. И нельзя преодолеть зло, не избавившись от всех «анти», от захлеба борьбы. «Антипалач» несет в себе заряд остервенения, который завтра породит нового палача. Нужно не «анти», нужно — «а», т.е. «не» (ненасилие, недвойственность; с «не» начинают многие превосходные идеи, с «анти» — ни одна).

Мне приходила в голову мысль, что сама сущность антихриста — в упоре на «анти». Христос не был антииудаистом — церковь стала антииудаистичной, а потом еще антиправославной (или антикатолической), антипротестантской и т.д. Христос не был антилибералом — церковь стала антилиберальной и веками противилась освободительному движению. Воздвигнув против себя антирелигиозный коммунизм, она получила сомнительное основание стать антикоммунистической (или антифашистской, антиимпериалистической и т.д.), как в своем подкомитетском существовании...

Я не могу выразить свою мысль лучше, чем она сама собою выразилась в 1971 году: «Мне трудно себе представить, чтобы падение Люцифера началось с зависти. Скорее — с

излишней ревности. Где-то, во времена, о которых ничего не сказано в книге Бытия, сияющий ангел бросился в бой с инерцией творения, воспротивившейся вечно новой воле Божьей, — из чистой любви к Богу, из чистого порыва служения. Зависть пришла потом. Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в битву за добро, за истину, за справедливость, — и так шаг за шагом, до геенны огненной и Колымы. Все, что из плоти, рассыпается в прах: и люди, и системы. Но дух вечен, и страшен дух ненависти в борьбе за правое дело. Этот герой, окруженный ореолом подвига и жертвы, поистине есть князь мира сего... и благодаря ему зло на земле не имеет конца» («Неуловимый образ», гл. 1 «Пена на губах»).

На дне бытия зла нет. Есть разные виды добра, сталкивающиеся и уравновешивающие друг друга. Откуда же берется зло, в котором тонет мир? От остервенения в борьбе за свое частное добро. Американская революция обошлась без остервенения, и слово «революция» на языке американцев — хорошее слово. Когда Стравинский поселился в Штатах, его назвали музыкальным революционером. Стравинский очень обиделся. В его сознании — сознании русского эмигранта — революция пахла трупным смрадом.

В пароксизме борьбы зло становится мнимо всемогущим, и возникает тот дьявольский пафос, который оруэлловский О'Брайен объясняет своей жертве в Министерстве Любви:

«Власть не средство, она цель. Не диктатуры создаются для защиты революции, а наоборот, революции создаются для установления диктатуры. Цель гонений — гонение. Цель пыток — пытки. Цель власти — власть...»

«Угодно ли вам видеть образ будущего? Вот он: сапог, наступивший на лицо человека. Навеки наступив-

ший!»

Такие люди никогда не начинают движения. Это «двойная мысль» (революции, или контрреволюции, или католицизма и т. п.), вылезшая наружу и рассеившаяся как свинья, положив ноги на стол. Торжествующая бесовщина не может длиться вечно. Или движение страшивает ее с себя, или раскалывается на группы смердяковых, пожирающих друг друга. Я высказал в «Квадрильоне» убеждение, что тотальное торжество зла означало бы просто гибель человечества; а то, что в нас вечно, — не умрет. Чего же нам бояться? Зачем (у страха глаза велики) рисовать грандиозный образ Мирового Зла? Зачем терять чувство справедливости к тем, кто сегодня наши противники? Они тоже начинали с борьбы за добро. И мы, начав с борьбы за добро, можем — как и они — прийти к злу.

Александр Исаевич недоумевает, зачем западные страны вступили в союз со Сталиным против Гитлера. Неужто сами не справились бы?

Этот урок истории, мне кажется, стоит продумать. Гитлер долгое время казался самым надежным защитником от Мирового Зла, и ему на эту деятельность были выданы авансы (Австрия, Чехословакия). Но лекарство вышло хуже самой болезни; и пришлось Западу вступать в союз с тем же Злом, против которого Гитлер обещался защитить, и, разгромив Гитлера, многократно усилить Сталина. Примерно так поздний императорский Рим вступал в союз с готами против гуннов. Не от хорошей жизни, конечно...

Мой великий оппонент хотел бы Мирового Добра в образе жандарма, в любую минуту готового пресечь Мировое Зло. Это очень популярный образ доброго правления; но Франция уступила Алжиру и Штаты — Северному Вьетнаму, хотя имели

техническую возможность раздавить своего противника. Надо было лишь внутренне перестроиться, встать на позиции пролетарского гуманизма (если враг не сдастся, его уничтожают). Запад на это оказался неспособен.

Наше поколение пережило несколько попыток окончательной ликвидации зла, и все они привели к новому, большому злу. Это не могло не оставить глубокий, неизгладимый след, по крайней мере, в некоторых умах. Я встретил, как свои собственные, мысли Т. С. Элиота:

«Счастлив тот, кто в нужную минуту повстречал подходящего друга. Счастлив и тот, кому в нужную минуту повстречался подходящий враг. Я не одобряю уничтожения врагов: политика уничтожения или, как варварски выражаются, ликвидации врагов — одно из наиболее тревожащих нас порождений современной войны и мира...» Что же делать? — спросит меня читатель. Не знаю. Может быть, выхода и вовсе нет. То, что предлагает Александр Исаевич министрам Запада и (несколько раньше) вождям Советского Союза, — только иллюзия выхода.

Есть эпохи, благоприятные для добродетелей Сцеволы и Сципиона. Есть другие, когда легче всего объяснить, почему град земной обречен. Вряд ли решительные меры могут здесь что-то изменить, разве ускорить развязку. Единственный путь спасения, который я вижу, — это внутренний поворот каждого отдельного человека к свету. Пока мы не переменялись, не переменится и общество. Это не значит, что всякое социальное действие бесполезно. Но оно непродуктивно, если не имеет характера сатьяграхи, если в нем нет упора на нравственное воспитание участников движения и поисков общего согласия. Беспощадная война со злом воспитывает

жестокость и вскармливает новое зло.

Можно сказать, что врагов вообще нет, что это ложное понятие, созданное ложно направленным умом (буддийская точка зрения); или иначе, другим языком: «любите ненавидящих вас, благословляйте проклинающих вас...» Но только немногие повторяют эти слова не одними устами. И совсем, совсем немногие действительно чувствуют так каждый день и час. Манихейское смещение частного зла с Мировым Злом по-прежнему царит на Земле. По-прежнему справедливость мыслится как зло за зло, око за око, зуб за зуб. Выход за рамки реактивного мышления был бы концом истории, началом какого-то совершенно нового общественного бытия, или даже нового космического бытия — как в «Сне смешного человека». Сегодня мы не дошли до этого, и потому точка зрения Александра Исаевича имеет достоинства, неотделимые от ее недостатков: она в ладу со временем и вдохновляет на великие исторические подвиги. Напротив, моя точка зрения ставит вне исторического процесса. Она делает подозрительным к богатырям и заставляет предсказывать, что Геракл перепьется и постреляет собственных детей, что диссиденты доступны растлению ничуть не меньше, чем герои революции (писалось об этом в 1966—1969 гг.)...

Вступив в полемику, я мучительно сознаю опасность собственного красноречия (оно не раз уже толкало людей совсем не туда, куда мне хотелось). Я вспоминаю Тютчева: мысль изреченная есть ложь... И голос мой от этого пресекается. У меня нет уверенности, что каждое мое слово возжит Добру. И я прошу читателя возвращаться от частных суждений к целому, от буквы к духу, против которого не дай мне Бог согрешить.

ДВА ПЛЮС

ЧЕТЫРЕ

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И СССР: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Харуки ВАДА,
профессор,
Токио, Япония

Самым большим препятствием на пути к улучшению отношений между Японией и Советским Союзом в наши дни является территориальный вопрос. По этой причине между нашими странами до сегодняшнего дня не заключен мирный договор. В течение многих лет правительство Японии требовало возвращения четырех островов, а Советское правительство в ответ заявляло, что территориальный вопрос уже решен. Время для урегулирования взаимных территориальных претензий было упущено, а заявления правительств обеих стран приобрели догматический характер.

Однако перестройка вселила надежду на то, что территориальный вопрос может быть наконец разрешен.

В 1986 году, в год 30-летия восстановления дипломатических отношений между нашими странами, Японию посетил министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе, появилась возможность визита Горбачева в Японию. На страницах советских газет и журналов стали высказываться различные предложения относительно возвращения четырех островов Японии.

Были предложены различные пути решения вопроса: совместно владеть

четырьмя островами; закрыть вопрос о принадлежности островов конкретной стране; вернуть Японии два острова из четырех. В январе 1989 территориальный вопрос был обсужден Горбачевым и бывшим премьер-министром Японии Накасо-не во время визита последнего в СССР, что открыло перспективу дальнейшего официального обсуждения проблемы. И наконец, после визита Э. Шеварднадзе в Японию начались межправительственные переговоры. Была основана рабочая группа по подготовке мирного договора, и теперь задача состоит в том, чтобы прийти к консенсусу по спорным вопросам и определить направление дальнейшей работы.

Вопрос о принадлежности островов какой-либо из сторон является прежде всего историческим. Для того, чтобы восстановить истину и прийти к согласию в этом вопросе, необходимо тщательно исследовать всю историю японо-русских и японо-советских отношений.

Нет никакого сомнения в том, что русские открыли и исследовали Курильские острова с Севера, и первая серьезная карта была составлена ими. Тем не менее, попытка советской сто-

роны объяснить притязания СССР на острова тем, что они были открыты русскими исследователями, вызывает критику у японских ученых.

Первым русско-японским договором 1855 года Южные Курилы отдавались во владение Японии, и в желании нынешнего правительства Японии вернуть себе свои земли нет ничего реваншистского или агрессивного. В 1875 году в результате долгих переговоров между Россией и Японией состоялся обмен территориями, после чего Сахалин перешел по владение России, а все Курильские острова отошли к Японии.

После Русско-японской войны 1904—1905 годов, завоевав Южный Сахалин и ревизовав границу, Япония в свою очередь потеряла моральное право требовать от России соблюдение заключенных ранее договоров.

После Октябрьской революции Япония вторглась на территорию советского Дальнего Востока и постоянно угрожала СССР в этом регионе в 1930-х годах. После событий на Халхин-Голе, заключив с СССР договор о нейтралитете, Япония все же искала предлог для нападения на СССР, сосредоточивая крупные военные формирования на границах СССР и Маньчжурии.

Однако Япония не напала на СССР. Сегодня это упрочивает позиции японской стороны в переговорах с СССР.

После победы над Германией, по требованию союзников, СССР вступил в войну с Японией. Взамен СССР получил от союзников Ялтинское соглашение, предусматривающее возвращение Сахалина и передачу СССР Курильских островов. Нельзя отрицать тот факт, что под предлогом ликвидации последствий агрессии Японии на Дальнем Востоке Сталин осуществлял имперскую политику.

Примером тому может служить требование передать СССР Курильские острова, предоставляющие советскому Дальневосточному флоту беспрепятственный выход в Тихий океан, а также — завоеванные Японией китайские территории. Однако были ли обоснованными претензии СССР на владение Южными Курилами?

Независимо от оценки Ялтинского соглашения, участие СССР в войне против Японии — это бесспорное нарушение со стороны СССР Пакта о нейтралитете. Наряду с американской атомной бомбардировкой, участие СССР в войне против Японии сыграло решающую роль в капитуляции Японии на условиях Потсдамской декларации. В связи с кончиной Императора Хирохито в Японии много говорилось о его решении прекратить войну против воли армейского руководства. Однако остается фактом то, что это решение было принято только после объявления Советским Союзом войны Японии. Сторонники прекращения войны в японском правительстве назвали американскую атомную бомбардировку и участие СССР в войне «мерой божеского спасения». Оба события принесли японцам много страданий, однако японцы, считающие, что капитуляция Японии предотвратила катастрофу всего японского народа, должны объективно отнестись к атомной бомбардировке и участию СССР в войне против Японии.

Внезапная десантная операция советских войск на острове Сомسو (крайний северный остров Курильских островов) была произведена 18 августа, через четыре дня после капитуляции Японии, в результате чего обе стороны понесли много напрасных потерь. Японцы считают эту операцию одним из преступлений Сталина. Аннексия Курильских островов была предопределена согласием

США, и военная операция здесь была совершенно излишней. Вызывает недоумение тот факт, что в результате этой непродолжительной (меньше месяца) войны против Японии, шестьсот тысяч японских военнопленных, интернированных в Сибирь, занимались в течение долгих лет принудительным трудом, и по меньшей мере шестьдесят тысяч из них погибли. Советская сторона должна дать по этому поводу разъяснения, и мы приветствуем первые шаги, сделанные в СССР в этом направлении.

Окончание войны с СССР было бесславным — без победителей и побежденных. Она завершилась подписанием Потсдамской декларации, восьмая статья которой гласила: «Условия Каирской декларации будут выполнены, и японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми, менее крупными островами, которые мы укажем». Таким образом, Япония признала изменение своих границ, что вполне отвечало условиям соглашения, подписанного союзниками в Ялте (Ялтинское соглашение тогда еще не было опубликовано).

В феврале 46-го года, накануне опубликования Ялтинского соглашения, СССР аннексировал южную часть Сахалина и Курильские острова. Не дождавшись мирной конференции, СССР присоединил к своей территории даже те острова, которые не были захвачены Японией в результате военных действий, а являлись японской территорией. Тем не менее, подписав Сан-Францисский договор, Япония отдала СССР все права на владение Сахалином и Курильскими островами, и тем самым де-факто признала Ялтинское соглашение. Япония отказалась от южной части Курильских островов, то есть от островов Кунашир и Итуруп, но не от

Хабомая и Сикотан, которые, по заявлению японского полномочного представителя, являлись частью территории острова Хоккайдо. Эта позиция Японии нашла поддержку участников Сан-Францисского договора.

На переговорах по восстановлению японо-советских дипломатических отношений в 1955 году японская сторона добивалась передачи ей островов Хабромаи и Сикотан как конечной цели. Когда же советская сторона согласилась на эти требования, с японской стороны были выдвинуты новые: возвращение четырех островов. СССР отказался удовлетворить эти требования. В 1956 г. японо-советские отношения были восстановлены и была принята совместная декларация о передаче двух островов Японии после подписания мирного договора, а также о продолжении мирных переговоров.

В результате обновления японо-американского договора о безопасности в 1960 году СССР выдвинул требование вывести все иностранные войска с японской территории в качестве дополнительного условия возвращения двух островов Японии. В противном случае СССР отказался вернуть острова, то есть в одностороннем порядке нарушил уже ратифицированное им международное соглашение.

В 1961 году японское правительство потребовало возвратить Японии острова Кунашир и Итуруп. Общественное мнение Японии поддержало требование правительства, однако Советский Союз продолжает придерживаться точки зрения, что все территориальные вопросы в этом регионе решены. Тем не менее, остается неизменной истиной то, что прежняя японская территория может находиться во владении Советского Союза только с согласия Японии. А такое согласие не дано.

Необходимо найти решение территориального вопроса, которое удовлетворяло бы обе стороны. Нужно искать компромиссы и идти на взаимные уступки. Естественно, что и Япония должна занять более гибкую позицию. Сегодня японцы находятся перед фактом, что в течение сорока четырех лет на северных островах живут граждане СССР. Они готовы учесть это при выработке взаимоприемлемых соглашений. Однако обстоятельства вынуждают нас не медлить с подписанием мирного договора.

Способствовать разрешению территориального вопроса должны общественное мнение и социальное движение обеих стран. Как в СССР, так и в Японии должны проводиться активные дискуссии по данной проблеме.

В то время, когда правительства Японии и СССР высказывают прямо противоположные взгляды на проблему возвращения Японии Курильских островов, на неправительственном уровне выдвигаются новые идеи, предлагаются интересные картины будущего четырех островов: демилитаризованный, совместно освоенный район, куда могут свободно иметь доступ и японцы, и советские люди.

Такой проект поддерживают и некоторые советские эксперты. Правда, они исходят из того, что эти острова должны принадлежать СССР. В Японии ту же самую идею, но при условии японского суверенитета над островами, поддерживают президент страховой компании Тохо Семей Сейзо Ота, директор правления Японской Ассоциации культурных связей с зарубежными странами Тацуро Мацумае, профессор Хосей университета Тейити Тикараиси, профессор Хоккайдского университета Хироси Кимура, выдвигающий пять условий возвращения четырех островов. Что касается меня, я предложил аналогичную идею еще в 1986 году с условием прямого возвращения двух островов Японии.

В конечном итоге, взаимоприемлемое для обеих сторон решение вопроса так или иначе сводится к осуществлению демилитаризации и совместного освоения четырех островов. Если будет достигнуто взаимопонимание и согласие по поводу этих идей на уровне наших общественных сил, можно будет поручить представителям государств провести окончательные переговоры по этому вопросу.

ТРАКТАТ

Сергей МИТРОХИН

О ТОЛПЕ

Противоречием политизированной толпы является постоянная упорная борьба между триединым инстинктом самосохранения-самовозобновления-самовозрастания и его заведомой победительницей — инерцией спада, убывания, иссякания толпы.

Это хорошо понимают ее рабы-повелители, именуемые лидерами. Последние периодически должны устраивать для толпы праздник ее бытия, во время которого она существует конкретно и актуально, а не абстрактно и потенциально — как в обычной повседневности.

Очередной праздник такого рода состоялся в Москве 15 июля. Организаторами стали МОИ, «ЩИТ», СвДПР и т. п.

Ряд особенностей данного мероприятия позволяет предвосхитить в общих чертах тот сценарий, по которому мистерия толпы будет разыгрываться и впредь — на всем протяжении ее недолгого, но бурного века. Первое, что поражает при соприкосновении, — это чудовищно низкий уровень ее культуры. Вообще, со времени первобытных вакханалий, массовые действия всегда были призваны создавать своеобразную антикультурную среду, способную на время (поначалу — в религиозных целях) подрывать социальный порядок.

(В своей знаменитой книге о Рабле Михаил Бахтин затратил немало благочестивых усилий с целью восславить так называемую «смеховую

культуру» толпы, однако добросовестность ученого не позволила ему увидеть в ней, в конечном счете, ничего, кроме эстетики зада, гениталий и экскрементов).

В сознании современного массового демократа такого рода раскрепощенность (утратившая былой сакральный смысл), по-видимому, однозначно ассоциируется с понятием свободы. Я замечал не раз (и 15 июля не исключение), что в самые экстазические моменты манифестации ее участники начинают скандировать слово «свобода». Форма именительного падежа позволяет отбросить сомнения: это уже не требование, а констатация переживания — яркого и непродолжительного, как оргазм, но не способного дотянуть даже до окончания самой акции.

Культура немислима вне хотя бы минимального напряжения личностного начала. Ничто, однако, не подрывает его сильнее, чем выбор полустадных форм самовыражения, совершаемый индивидом в толпе. Последняя, не только парализует культурные потенции у тех, кто ими обладает, но и раскрепощает хамскую стихию в тех, кто скван повседневным налетом цивилиности. Таким образом, толпа постоянно находится как бы между двух жерновов, которые с варварской неуклюжестью перемалывают хрупкую субстанцию культуры.

«Москва — колыбель красного

дьявола.»

«Аппаратный зверь готов к прыжку.»

Эти сентенции (наряду с еще двумя не менее идиотскими) написаны на картонках, которые вы можете повесить себе на грудь или на спину (возможны варианты). Картонки раздает всем желающим — а таковых изобилие — рослый автор шедевров.

«Коммунистические черви, этот труп вас больше не прокормит!»

Глашатаяем от имени трупа является Комитет за создание партии молодежной солидарности «Эхо» — причудливая смесь полууголовного юношества с инфантильного вида студентиками. Программа будущей партии лаконично сконцентрирована в нижеследующем лозунге:

«Коммунисты: больше двух не собираться!»

«Эхо» воровским образом пристроилось впереди всей колонны, превращая ее тем самым в неоригинальное приложение к самой себе. За ними — неисчислимая тучная паства, очерчившаяся лозунгами типа «КПСС — на свалку истории!» и перриодически орущая:

— Долой КПСС!

— В отставку!

— Пусть живет КПСС на чернобыльской АЭС!

Тот факт, что на восьмом десятке своего господства вожди КПСС дозрели до качественного отличия от партии молодежной солидарности «Эхо», еще обнаружит себя как самое трагическое обстоятельство современной истории. Ибо теперь уже очевидно: тот тип сознания, который КПСС пестовала все эти десятилетия себе на потребу, в условиях свободы ничего, кроме «Эха», породить не может. Подарить свободу в такой ситуации — значит сознательно раскрепостить силы, несущие дарителю гибель. Однако кульминацией трагедии

является не столько гибель КПСС, сколько ее неминуемое воскрешение. И тут мы подходим к самому страшному: все созревшее и прозревшее в КПСС будет разрушено животной яростью толпы, а все косное, кровавое и чудовищное останется гнить и побеждать в народной душе.

Трагический опыт самоопределения, прорвавшийся в недрах КПСС, будет раздавлен тысячетелым невежеством. Кто в преддверии шторма предложит равноценную замену? Партия Травкина?

* * *

Будем смотреть правде в лицо: если бы КПСС теперь была такой, какой ее рисует ненависть толпы, то не было бы и самой толпы, больше того — не было бы и самой ненависти. Советский человек в своей массе может поносить только слабеющую и отступающую власть, и никогда — деспотичную и жестокую, для которой у него припасена в лучшем случае любимая философия: «плетью обуха не перешибешь», а в худшем — беззаветная преданность. Так уж устроен homo soveticus: он лижет руку бьющего, больше всего на свете желая прилипнуть к ней. Но ему ненавистна рука шадящего; самое сокровенное его желание — укунить эту руку! Дай ему волю, он сдерет с нее и кожу... Но для того, чтобы воспользоваться этим вожделенным шансом, толпе нужна идеология — та ложь, которая позволила бы ей пытаться и казнить с сознанием собственной справедливости.

Поэтому услышать от Новодворской на митинге, что «правее Горбачева только стена!», для толпы — сладчайшая музыка. Не представление о реальной роли Горбачева, а образ стены — вот что должно облегчить впоследствии акцию избияния «горбачевщины».

Однако не будем заглядывать вперед: избиение произойдет только после окончательной потери страха. Ибо сила страха в толпе обратно пропорциональна степени ее радикальности.

Как «угроза КПСС», так и нереальность этой угрозы, является сегодня необходимым условием самоэкзальтации митингов. Перед ораторами стоит двойная задача: с одной стороны — напугать, с другой — умело намекнуть, что бояться-то нечего. В искусстве показывания бумажных тигров 15 июля более всех преуспел депутат, провозгласивший, что телекамеры, установленные на кремлевской башне, похожи на пушки, из которых «они в нас будут стрелять»!

Однако абсурд, при помощи которого толпа сплачивает самое себя — всего лишь средство. Сама толпа — тоже в конечном счете только средство. Главная цель (скорее эсхатологическая, чем сознательная) — впрыснуть очередную идеологическую

инъекцию в рыхлое тело населения. Митинг 15 июля был предназначен для создания новой идеологемы. На этот раз она приняла форму императива: **ОТНЯТЬ НАГРАБЛЕННОЕ У КПСС ПРИ ПОМОЩИ НОВОГО НЮРНБЕРГА!**

Ирина Боганцева, возражавшая против Нюрнберга, была освистана. «Не будем благородными!» — ответила ей толпа на радость Белозерцеву, Сулакшину и другим бывшим коммунистам, а ныне — энтузиастам судебной расправы с КПСС.

* * *

Толпа — вот почва, на которой выросло все самое страшное и уродливое в нашей истории.

Наступило время триумфа и господства толпы, время, когда каждый мыслящий должен задаться вопросом: достаточно ли я одинок, чтобы не стать толпой? От ответа на него зависит будущее свободы.

**ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА**

Основан в 1958 году

**Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках**

Цена 10 коп.

**Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ**

BEK XX И МИР XX CENTURY AND PEACE LE XXe SIECLE ET LA PAIX

ВЕК XX И МИР

**Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07**

Индекс 70188

